

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА»
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет
Кафедра мировой литературы и методики ее преподавания

Иванова Алёна Альбертовна
ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**«СИБИРСКИЙ ТЕКСТ» В ПРОЗЕ М.А. ТАРКОВСКОГО – НА ПРИМЕРЕ
РОМАНА «ТОЙОТА-КРЕСТА»**

(литературоведческий и методический аспекты)

Направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя
профилями подготовки)

Направленность образовательной программы Русский язык и литература

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

канд. филол. наук, доцент Полуэктова Т.А.

_____ (дата, подпись)

Руководитель: докт. филол. наук, профессор

Ковтун Н.В.

Дата защиты _____

Обучающийся Иванова А.А.

_____ (дата, подпись)

Оценка _____

_____ (прописью)

Красноярск 2021

Содержание

Введение	3
Глава I. Пространство как семиотическая категория. «Сибирский текст» русской культуры	7
1.1. Теория локальных текстов.....	7
1.2. «Сибирский текст» русской культуры.....	11
1.2.1. Термин «сибирская литература» в современных исследованиях.....	19
1.2.2. «Сибирская литература» и «Сибирский текст»: проблемы соотношения.....	28
Глава II. М.А. Тарковский и современный литературный процесс	30
2.1. М.А. Тарковский: особенности самопрезентации, идеология, связь с литературными направлениями (на материале интервью, публицистики автора, литературной критики).....	30
2.1.1. Тема «судьбы» писателя: связь литературы и «жизни».....	30
2.1.2. Идеологические взгляды художника: интервью и публицистика.....	33
2.1.3. М.А. Тарковский и литературные направления рубежа XX – XXI века.....	43
Глава III. Репрезентация Сибири в творчестве М.А. Тарковского	48
3.1. «Сибирский текст» в малой прозе писателя.....	48
3.3. «Сибирский текст» в романе «Тойота-Креста»:.....	52
3.3.1. Роман и его место в творчестве автора, критическая рецепция текста.....	52
3.3.2. Своеобразие хронотопа.....	56
3.3.3. Система персонажей	74
Заключение	86
Список использованных источников	90
Приложение А. Система персонажей романа «Тойота-Креста»	97
Приложение Б. Карта передвижений главного героя романа «Тойота-Креста» ...	98
Приложение В. Разработка урока внеклассного чтения для обучающихся средней и старшей школы (8-11 классы)	100

Введение

«Сибирский текст» является частью теории «локальных текстов», зародившейся в начале XX в. Фундаментальные исследования семиотики города московско-тартуской семиотической школы во главе с Ю.М. Лотманом послужили целому ряду работ знакового препарирования различных локальных пространств. «Первопроходцем» здесь является Петербург, пространство которого в филологическом сообществе, как кажется, будет всегда связано с именем В.Н. Топорова [1]. На сегодняшний день изучены следующие «семиотические тексты», связанные с категорией пространства: «московский текст» [2], «ярославский текст» [3], «пермский текст» [4] (тексты-города) и др. Отдельно рассматривается текст русской провинции [5, 6]. Возникли и тексты, охватывающие целые географические области - «алтайский текст» [7], «крымский текст» [8], наконец, «сибирский текст» [9,10,11]. Собственно понятие «сибирский текст» появилось в литературоведении сравнительно недавно, почти двадцать лет назад, в работе В.И. Тюпы «Мифологема Сибири: к вопросу о "сибирском тексте" русской литературы», опубликованной в 2002 г. [12]. На данный момент существует три монографии, посвященные изучаемому объекту [9,10,11], что, на наш взгляд, является показателем научного интереса к данной теме.

Тем не менее, нельзя сказать, что термин «сибирский текст» полностью определен и разработан. Как будет показано далее, существуют разные точки зрения, во многом противопоставленные друг другу. Ещё одним аспектом, проблематизирующим изучение, является современное состояние соотношения «сибирского текста» с термином «сибирская литература». Одним из представителей современной русской литературы является М.А. Тарковский. Сибирь занимает важное место в жизни и творчестве автора. И в этом смысле необходимо сопоставить то, как репрезентируется Сибирь в публицистике и интервью с автором с одной стороны, а с другой, в художественных произведениях. Творчество Тарковского на серьёзном уровне проанализировано, пожалуй, только в двух работах – диссертации Н.В. Беляевой и монографии Н.А. Вальянова.

Единственный, на сегодняшний день, роман автора - «Тойота-Креста» - не получил достойного исследовательского внимания. Наше исследование посвящено изучению «сибирского текста» в прозе М. Тарковского, а именно, в романе «Тойота-Креста». Как нам кажется, приведенные факты позволяют считать данную работу *актуальной*.

Целью работы является анализ и выявление компонентов «сибирского текста» на материале романа М.А. Тарковского «Тойота-Креста». С целью связаны и задачи исследования:

- 1) Рассмотреть историю теории «локальных текстов» (выявить работы, которые повлияли на появление «сибирского текста»);
- 2) Рассмотреть разработанность понятия «сибирского текста» в современном литературоведении;
- 3) Проанализировать современное состояние термина «сибирская литература» и его соотношение с «сибирским текстом»;
- 4) Рассмотреть жизненный и творческий путь М.А. Тарковского, его место в современном литературном процессе;
- 5) Выявить особенности репрезентации Сибири в публицистике автора и интервью с ним;
- 6) Проанализировать особенности репрезентации Сибири в малой прозе автора в контексте «сибирского текста»;
- 7) Проанализировать особенности репрезентации Сибири в романе «Тойота-Креста» в контексте «сибирского текста».

Объект исследования – собственно понятие «сибирского текста», *предмет* – «сибирский текст» в романе «Тойота-Креста».

Основными методами исследования является историко-культурный, сравнительно-сопоставительный и нарративный.

Методологической основой исследования послужили труды московско-тартуской семиотической школы по исследованию семиотики пространства, а именно выпуск сборника «Трудов по знаковым системам» за 1984 г., посвященный

теме семиотики города. Три монографии по «сибирскому тексту»: «Сибирский текст в русской культуре» (2003 и 2007 гг.) и «Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве» (2010 г.). Исследовательская деятельность Б.А. Чмыхало, Н.В. Серебренникова, К.В. Анисимова, посвященная изучению сибирской литературы, Н.В. Ковтун, Н.А. Вальянова, занимающихся изучением творчества М.А. Тарковского, Ю.Н. Тынянова «О литературной эволюции» 1927г., А.П. Чудакова «Чехов. Единство видения» 1987 г., В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана как семиотиков культуры, и нарратолога В.Шмида.

Практическая значимость исследования обусловлена интересом к локальному в современном мире. «Локальные истории» - тема КРЯКК'а 2019 года: *«В сегодняшнем гуманитарном пространстве интерес к локальной, частной истории очевидно велик: во многих регионах можно обнаружить проекты, связанные с изучением и популяризацией местной специфики. Работа по осознанию местного исторического опыта — это инструмент самоидентификации, способ определить себя, свою уникальность в большом мире»*¹.

Изучение **«сибирского текста русской культуры»** открывает новый взгляд на, казалось бы, уже привычные тексты русской классической литературы: **«Недоросль» Д.И.Фонвизина, «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, «На дне» М. Горького** и др. «Сибирский текст», как нам кажется, пробуждает интерес к сибирской литературе и культуре. Особенно важным нам представляется введение данной темы в школьный курс литературы именно в школах Сибири. Общие программы по литературе, как правило, не выделяют региональную тему как таковую. Инициатива учителя играет здесь решающую роль. Хотя стоит отметить современную программу **«Родная**

¹ URL: <http://www.prokhorovfund.ru/fund/news/4179/> (дата обращения: 10.04.21)

литература». Она вызвала большие споры в современном филологическом сообществе², но, тем не менее, региональная тема имеет место в программе.

М.А. Тарковский – современный русский поэт и писатель, творчество которого исследователи относят к «неотрадиционалистскому» направлению. Сам Тарковский не раз отмечал, что для него важна преемственность, «традиция русской классической литературы». Он категорически против «краеведческой оптики» по отношению к своим произведениям. Тем не менее, мы считаем, что изучение творчества М.А. Тарковского в Красноярском крае (шире – Сибири в общем) открывает возможность обратить внимание читателя на литературу, созданную в Сибири, её особенности. Также, представляется важным вопрос **идентичности, самоопределениях в условиях глобализации**. Почему Тарковский уезжает в Сибирь, что она для него означает? «Что означает Сибирь в общем, затем мой город/деревня/село (место рождения) для меня? (школьника-читателя)»

В качестве примеров работы с «сибирским текстом русской культуры» в школе представлена методическая разработка урока внеклассного чтения

1. Встреча с автором: обсуждение повести «Енисей, отпусти!», беседа с Тарковским)

Структура работы представляет собой классическое деление на введение, три главы, заключение, список использованных источников, насчитывающий 86 наименований и три приложения.

² URL:<https://www.facebook.com/groups/820290371326963/permalink/3519844414704865/> (дата обращения: 10.04.21) и URL: https://www.colta.ru/articles/society/25633-artem-hlebnikov-novyy-shkolnyy-kurs-rodnaya-literatura-russkaya?fbclid=IwAR3O2eREesBZHsrAsuLH-NRVBmLPHGccfcRhji8az1G7bxjmn7ib_G6iso (дата обращения: 10.04.21)

Глава I. Пространство как семиотическая категория. «Сибирский текст» русской культуры

1.1. Теория локальных текстов

В Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой слово «локальный» имеет следующее значение: «свойственный только *определенному месту* (курсив наш), не выходящий за определенные пределы; местный». Теория «локального текста» появилась и активна начала развиваться в XX в., прежде всего на материале «текста города». В отечественном литературоведении данное понятие связано с появлением историко-литературных работ, посвященных Петербургу. Первыми исследованиями, посвященными тексту города, стали книги Н. П. Анциферова «Душа Петербурга» (1922) [13] и «Быль и миф Петербурга» (1924) [14]. Исследование Н. П. Анциферова представляет собой исторически последовательное описание формирования и развития петербургских мотивов и образов в русской литературе XIX–XX вв.

Следующим этапом развития теории «локального текста» стали исследования московско-тартуской семиотической школы. Сборник «Труды по знаковым системам» [15] за 1984 г. посвящен теме «Семиотика города и городской культуры. Петербург». В предисловии Ю.М. Лотман отмечает: «*Общим для статей настоящего сборника является то, что Петербург рассматривается в них, с одной стороны, как **текст**, а, с другой, как **механизм порождения текстов**. Рассмотрение **Города**, включенного в историю цивилизации как **текста sui generis**, естественно. Более того, именно на объекте такого рода некоторые черты **Текста** выделяются наиболее наглядно. К ним можно отнести **кодovую гетерогенность** — непременно зашифрованность несколькими кодами, **семиотическую неоднородность субтекстов**, противоречиво стремящихся одновременно образовывать **единый текст**. Наглядно выступает также свойство текста **накапливать и постоянно регенерировать свою историю**» [там же, с.3]. Основные понятия, на которых делается акцент исследователя: Текст – Город – механизм порождения текстов (субтексты) – код.*

Пожалуй, самые известные публикации сборника – «Петербургский текст» В.Н. Топорова, открывающий сборник [там же, с. 4-30], и «Символика Петербурга и проблемы семиотики города» Лотмана [там же, с. 30-46]. Стоит отметить, что понятие «Петербургского текста» введено Топоровым в более ранних работах. В коллективной статье того же сборника «Петербургский текст и русский символизм» (З. Г Минц, М. В. Безродный, А. А. Данилевский) в сноске указывается следующая работа Топорова, в которой он применяет понятие «петербургского текста» - «О структуре романа Достоевского в связи с историческими схемами мифологического мышления («Преступление и наказание»)), впервые опубликованная в 1973г. [там же, с.78]. В этой статье автор анализирует структуру романа «Преступление и наказание» как, с одной стороны, особенность «построения художественных текстов», а с другой, в контексте «мифопоэтической традиции», проявляющейся в схемах и текстах [16, с.193]. К выявлению понятия «петербургского текста» Топоров подводит следующим образом: *«Подобно тому, как в тексте романа Достоевского мы «вычитываем» (=формируем) некие новые тексты (или подтексты), точно так же можно ставить перед собой аналогичную задачу на всей совокупности текстов русской литературы. Формируемые таким образом тексты обладают всеми теми специфическими особенностями, которые свойственны текстам вообще, и — прежде всего — семантической связностью ... Текст един и связан, хотя он писался (и будет писаться) многими авторами, потому что он возник где-то на полпути между объектом и всеми теми авторами, которые в данном случае характеризуются наличием некоторых общих принципов отбора и синтезирования материалов ... Это лишь начальный подступ к теме «петербургского текста в русской литературе», которая принципиально отлична от обычной темы типа “Петербург в русской литературе”»* [курсив наш, там же, с. 194]. Таким образом, «петербургский текст» образует определенный **корпус текстов**, связанный семантически.

Постепенно и другие локальные пространства обратили на себя внимание исследователей-семиотиков: «московский текст», «ярославский текст» [2], пермский текст» [3] (тексты-города) и др. Отдельно рассматривается текст русской провинции [4, 5]. Возникли также и тексты, охватывающие целые географические области - «алтайский текст» [6], «крымский текст» [7], наконец, «сибирский текст» [8, 9, 10], который является объектом изучения данной работы. Прежде чем, обратиться к его специфике, мы хотим обратить внимание на монографию Н.Е. Меднис «Сверхтексты русской литературы» [17].

В монографии Меднис в центре исследовательского внимания находится понятие «сверхтекст», который определяется следующим образом: *«сверхтекст представляет собой сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью»* (курсив наш). В работе Топорова («Петербургский текст русской литературы») данное понятие тоже используется в следующем контексте: *«... Но уникален в русской истории П. тем, что ему в соответствие поставлен особый «П е т е р б у р г с к и й» текст, точнее, некий синтетический сверхтекст, с которым связываются высшие смыслы и цели»* [там же]. Всего слово «сверхтекст» встречается в статье 2 раза. В целом, определения исследователей совпадают. Интересно, что Меднис не включает в свою работу «сибирский текст русской литературы». Вероятно, отсутствие обосновано небольшим временным промежутком между публикацией монографии (2003 г.) и появлением статьи В.И. Тюпы «Мифологема Сибири: к вопросу о сибирском тексте русской литературы» (2002 г.). Елена Галимова в статье «К вопросу о методологии исследования локальных (городских и региональных) литературных сверхтекстов (на примере Северного текста русской литературы)» [18, с.365-380] отмечает:

«Осмысление (точнее, реконструкция) Петербургского текста, продолженное впоследствии В.Н. Топоровым в ряде других работ, помимо безусловной самоценности оказалось «заряженным» таким мощным научным

потенциалом, что стало катализатором гуманитарной мысли на несколько десятилетий, обозначив вектор изучения локальных сверхтекстов» [там же, с.365]

Прежде чем обратиться к основному объекту исследования, нам представляется важным обратить внимание на смежный с теорией локальных текстов подход к исследованию пространства в художественном тексте – геопоэтический.

В коллективной монографии «Геопоэтика В.М. Шукшина» [19, с.11] отмечается различие двух подходов: «Ставить в прямое соотношение понятия геопоэтики и локального текста ... не нужно, поскольку оба данных направления научной и художественной мысли функционируют по разным законам и в основе своей имеют различные принципы, цели и задачи, хотя в обоих случаях производится работа с художественными образами пространства. Это не отношения противопоставления и не обязательно отношения комплементарности (хотя нередко продуктивным может оказаться именно сочетание данных направлений в литературоведческом исследовании). Локальный текст и геопоэтика вполне могут сосуществовать автономно. Локальный текст концентрируется вокруг места, куда стягиваются весь корпус текстов о территории, тогда как геопоэтика работает с явлениями в индивидуально-личностном аспекте, расширяя способ субъективации (М. Фуко) до законов построения литературного произведения». Мы согласны с данной точкой зрения. Геопоэтический подход может стать одним из основных методов при анализе романа «Тойота-Креста», но в рамках данной работы мы не будем его использовать. Обратимся к объекту нашего исследования.

1.2. «Сибирский текст» русской культуры

«Сибирский текст» (далее – «СТ») - это не термин, а понятие, которое функционирует в современном филологическом сообществе в самых разных определениях и подходах. Впервые «СТ» обозначился в работе В.И. Тюпы [9, с.27-35], который выделил мифологический компонент в структуре данного понятия в

большей степени на основе классической литературы XIX в. (текстах Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, Л.Н. Толстого, А.Н. Чехова и др.). Элементами мифологемы Сибири, по мнению Тюпы, являются:

1. Собственно пространство смерти: Сибирь как мифологическая страна мертвых, от похода Ермака, его гибели от рук местных татар, создания в литературной традиции «Ермакова сюжета», - «до абсурдистских отголосков сибирской мифологемы в прозаической поэме Вен. Ерофеева «Москва-Петушки»» [там же, с.27]. Образ смерти в «сибирских текстах» выражен как прямо (фактическая смерть персонажей), так и косвенно, через образы-символы, например, холода, зимы, ночи (луны), беспредельного пространства [там же, с.28].

2. Пороговость пространства Сибири. Как указывает исследователь, Сибирь — это, скорее, «не inferнальный хронотоп окончательной и бесповоротной смерти, но... богоугодное место временной смерти: лиминальный (пороговый) хронотоп смертельного испытания» [там же, с.28]. Это объясняется не только бытованием в литературных текстах, но внетекстовыми факторами: геополитическими, культурно-историческими и природными, накладывающимися друг на друга. Смерть-воскресение – основные мотивы лиминального хронотопа, ученый также приводит ряд примеров: от «Жития» протопопа Аввакума до А.П.Чехова)

Интересно, что в статье 2006 г. [20] Тюпа пишет уже не о «сибирском тексте», а о «сибирском гипертексте» русской литературы. Содержание данной работы практически повторяет содержание статьи, к которой мы обратились выше, но за одним исключением. Исследователь сделал несколько замечаний о природе текста, подобного петербургскому, и связал его с понятием гипертекста:

«Петербургский “*надтекст*” присутствует в каждом своем «*субтексте*», как сказка - в любом ее варианте <...> «петербургский текст» русской культуры (не только литературы!) представляет собой *напластование текстов* - семиотическое образование палимпсестного характера <...>Если обычный текст является

структурой синхронической и синтагматической, то *транстекстуальные феномены*, подобные петербургскому, диахроничны и асинтагматичны... *«петербургский текст» - это парадигматическое явление, по природе своей аналогичное мифу* <...> Воспользовавшись языком современных компьютерных технологий, семантические поля культурных «уплотнений» такого рода могут быть охарактеризованы как *гипертексты*. В отличие от обычного линейного текста *гипертекст не линейен, он многомерен, многослоен, поскольку всякая семантическая единица такой текстуальности* (микрконцепт, входящий в состав макрконцепта) *несет в себе «гиперссылку», переключающую воспринимающее сознание в иную плоскость, отсылающую его к другим своим текстам и семантическим аспектам, в конечном счете к своим архетипическим первоосновам»* (курсив наш) [там же, с 40-41]

В заключении, исследователь пишет о том, что «пунктирный ряд приведенных нами вершинных примеров актуализации в художественных произведениях лиминальной мифологемы Сибири <...> свидетельствует о присутствии в составе русской литературы *корпуса сочинений, связанных не только тематически, но и мифопоэтически, что является решающим аргументом для атрибутирования его как особого сибирского гипертекста* (курсив наш) [там же, с. 52]. Почему вместо понятия «сибирский текст» автор стал использовать «сибирский гипертекст»? Полагаем, что на ученого повлияла работа Н.Е. Меднис «Сверхтексты в русской литературе» (что и подтверждается в затекстовой ссылке), к которой мы обращались выше.

Сибирский исследователь К.В. Анисимов долгое время занимается сибирской литературой, её поэтикой. Несколько работ автора посвящены «СТ»: «Путешествие: к вопросу о жанровой составляющей сибирского текста», «Парадигматика и синтагматика сибирского текста русской литературы (Постановка проблемы)», «Сибирский текст в “Братьях Карамазовых” Ф.М. Достоевского», «Два века - две грани сибирского текста: областники vs. “деревенщики”» (совместное с Анной Разуваловой исследование) [21, 22, 23, 24].

Две из них входят в сборник «Сибирский текст в русской культуре (2002 и 2007 гг), и одна в коллективную монографию «Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве» (2010 г.). Далее будет следовать обзор статей из данных сборников.

В статье «Путешествие: к вопросу о жанровой составляющей сибирского текста» [21] рассматривается жанр путешествия как основной в «СТ». Выявляется генезис жанра и его эволюция в сибирской литературе (апостольская миссия – экзотизация (взгляд извне) – как родная земля (взгляд изнутри – областничество) – мотив возвращения (областничество) – бегство). Важным понятием является «хронотоп» (М.М. Бахтин). Отмечается противопоставление хронотопу путешествия в литературе центра: «сибирский вариант хронотопа путешествия в исходном своем состоянии предполагает иные цели (просвещение других, а не себя) и иные средства (вторжение, а не приобщение)». И далее: В терминах христианской культуры он более соотносим с идеей *апостольства*, а не паломничества. *Именно на сибирской границе русской культуры апостольская тематика активно культивируется*» (курсив наш) [там же, с.23]

Более подробно эта тема разработана автором в монографии «Проблемы поэтики литературы Сибири XIX - начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции» [25], где исследователем рассматривается «Ермаков сюжет» в сибирской литературе.

В статье «Парадигматика и синтагматика сибирского текста русской литературы» [22, с.60] Анисимов анализирует содержание работы В.И. Тюпы и задаёт следующие вопросы:

- «являются ли «пунктирный ряд приведенных <...> вершинных примеров» исчерпывающими? Можно ли только на его основании выстроить инвариантную конструкцию *всего* (курсив авторский) сибирского текста?» [там же с.64]. И далее, автор полагает, что концепция В.И. Тюпы «имеет отношение только к одной семантической составляющей «СТ» (мифологической) и что следует обратить

внимание на другие, не менее важные составляющие, образующие синтагматику «СТ».

В начале своей работы К.В. Анисимов рассматривает идеологическую составляющую «СТ», а затем расширяет концепцию В.И. Тюпы, утверждая, что «Сибирь далеко не всегда предстаёт в национальной словесности в образе «мифологической страны мертвых»...», и что часто Сибирь (особенно для читателей XVII-XVIII вв.) предстаёт в образе рая [там же, с.65]. Это указывает на амбивалентность мифологемы Сибири, схожей с петербургской (об этом мы писали выше). Исследователь показывает взаимозависимость составляющих мифологемы Сибири: «семантическая «вибрация» «СТ» от идеи «чужого» как «ада» к «чужому как «раю», от условного «умерщвления» героя к условному его оживлению составляет суть двуединой сибирской мотивно-образной парадигмы» [там же, с.66]. Исследователь приводит следующие примеры:

1) гибридизация компонентов мифологемы Сибири (инфернальная и утопическая составляющие) – Д.И. Фонвизин «Недоросль»;

2) пример хронологического следования позитивной модели восприятия Сибири за негативной, а иногда и вытеснение последней – опыт переживания Сибири декабристами, его парадигмальный характер (от негативной до неоднозначной оценок и, наконец, позитивной);

3) пример собственно позитивной оценки – М. Горький «На дне» и «Егор Булычев и другие».

В заключении статьи Анисимов выделяет общий для двух точек зрения на мифологему Сибири инвариант – «ситуация «перехода» в *terra incognita*, подразумевающая богатый выбор перспектив для героя – от гибели до духовного перерождения» [там же, с.72].

Исследователь В.А. Доманский определяет «СТ» вслед за Ю.М. Лотманом и В.Н. Топоровым (в случае с петербургским текстом) как «текст литературный, который отразил непростой процесс культурогенеза в самом крупном регионе

России. С другой стороны, «это не только текст литературный, ... но и текст публицистический, идеологический и даже научный, отражающий экономическую и культурную жизнь края, формирование и развитие регионального самосознания» [26, с.50].

В.А. Доманский развивает идею К.В. Анисимова о наличие разного рода составляющих в «СТ». Он рассматривает историю предпосылок формирования и наполнения понятия: эволюция сибирских текстов по векам, возникновение их компонентов и формирование структурных уровней. Прежде всего, ученый рассматривает диахронию «СТ» и связывает формирование компонентов понятия именно с историей Сибири в целом.

Далее мы рассмотрим работы, в центре которых тот или иной аспект диахронии «СТ»: исследование А.С. Янушкевича [27] и совместную статью К.В. Анисимова и Анны Разуваловой [24]. Интересен в этом смысле «фокус» ученых, так как диахрония того или иного явления понятие сложное.

Доманский, как мы указали выше, делает краткий обзор становления «СТ», его компонентов от XVII до XXвв. В XVII в., по мнению исследователя, формируется мифологический компонент «СТ» (в летописях, «Ермаков сюжет»). В XVIIIв. Сибирь начинает осмысляться в следующих компонентах: геодезический, географический, природоведческий, этнографический и этнологический, исторический. В XIXв. формируется собственно литературный компонент, как «извне» (в литературе центра), так и изнутри (в местной литературе, в частности, в произведениях И.Т. Калашникова («Дочь купца Жолобова», «Изгнанники», «Камчадалка»), Н.С. Щукина («Пасельщик», «Ангарские пороги»)).

В XX в. появляются следующие компоненты «СТ», обусловленные эпохой: репрессии, великие стройки, процессы аккультурации, маргинализации, превращение Сибири в сырьевой регион России. Также, Валерий Анатольевич выделяет концептуальные модели устройства сибирского литературного текста в зависимости от фигуры «автора или рассказчика, имеющего свой внутренний

взгляд на себя и мир, соотношение в его сознании идей регионализма и глобализма»: 1) Сибирь в восприятии и оценке человека из Центра и других регионов Сибири; 2) Сибирь в восприятии и оценке человеком мира; 3) Россия в восприятии и оценке сибиряка; 4) Мир в восприятии и оценке сибиряка; 5) Сибирь в восприятии и оценке сибиряка [там же, с.55-56].

А.С. Янушкевич в статье «Дихотомия сибирского текста» рассматривает дихотомию (наличие как минимум двух составляющих мифологемы Сибири: место смерти, ада и, с другой стороны, рая) «сибирского текста» с точки зрения взгляда – извне (центр) и изнутри (собственно взгляд сибиряков). Эти точки зрения объясняются диахронией Сибири, её связи с общерусской культурой. Исследователь пишет: «Диахрония сибирского текста – это прежде всего процесс взаимодействия местного, сибирского материала и общероссийского его постижения в большом контексте времени» [27, с. 334].

Янушкевич делает акцент на том, что сибирская литература изначально связана с общерусской и что рассматривать эти явления отдельно не имеет смысла. И именно их связь является ключом к пониманию дихотомии «СТ», начиная с летописного периода XVIIв. до революции 1917 г. (автор не касается послереволюционной эпохи, считает, что это заслуживает отдельной работы). В заключении ученый выражает мысль о том, что диахрония и выходящая из неё дихотомия «сибирского текста» представляет собой своеобразный **метатекст русской литературы.**

В совместной работе «Два века – две грани сибирского текста: областники vs «деревенщичики»» [24, с.75-100] К.В. Анисимов и А.И. Разувалова делают акцент в диахронии «сибирского текста», как это можно понять из названия, на явление областничества в Сибири и на творчество писателей-«деревенщичиков» (традиционалистов). По мнению исследователей, это «**две ключевые версии сибирского текста русской литературы**», которые, с одной стороны, прямо противоположны друг другу, а с другой стороны, находятся в диалогических

отношениях» [там же, с.75]. Анисимов и Разувалова выделяют два типа прочтения «СТ»:

1. Первый тип прочтения основан на статье Ю.М. Лотмана «Сюжетное пространство русского романа», упомянутой выше работе В.Н. Топорова, а также на последующей за ней, уже на сибирском материале, работе В.И. Тюпы (также упомянутой выше), и заключается в *«реконструкции череды архетипов, имплицированных в «сибирские» литературные сюжеты русской классикой, которая, переживая в XIX в. этап бурного становления, «изобретала», наряду с характерологическими «галереями» национальных «типов», также национальную географию, ментальную карту, продолжая тем самым традицию идеологической и политической перекройки русского ландшафта, начавшейся еще в первой половине XVIII в.»* [там же, с.76]

2. Второй тип связан с коммуникативной, диалогизированной составляющей СТ, ориентированной на специфический образ читателя. Анисимов и Разувалова выделяют два типа читателя: «пассивного» (или в другой терминологии «идеальный читатель») и «активного». Первый связывается прежде всего с классической литературой XIX в (до А.П. Чехова). У нарратолога В. Шмида читаем: «позиция идеального реципиента... предопределена произведением целиком, (но) степень идеологической конкретности такого предопределения варьируется от автора к автору. Если произведения авторов-проповедников могут требовать определенного осмысления, то для авторов-экспериментаторов, как правило, допустимы разные толкования. У Л. Толстого диапазон допускаемых произведением позиций, несомненно, уже, чем, например, у Чехова.» [28, с.60-61].

«Активный» читатель пробуждается только тогда, когда «авторская» интенция направлена на возможность интерпретации смыслов, заложенных в художественный текст. И возможность возникновения

такого типа читателя объясняется исторически, поэтикой модернизма, в рамках которого «автор и читатель «встречались» и взаимодействовали в формировании смыслов текста» [там же]. В качестве примера активизации читательского сознания исследователи приводят в пример «заочную полемику одного из лидеров сибирского областничества Н.М. Ядринцева с А.П. Чеховым, автором «Писем из Сибири», опубликованных в 1890 г.». Содержание «ответных» писем Ядринцева варьируется от простого желания защититься до острого идеологического спора. Значение читательского отклика одного из лидеров сибирского областничества исследователи комментируют так: «принадлежащий перу Ядринцева полемический комментарий к «Письмам из Сибири» усложнял и разнообразил не только рецептивную среду чеховского текста в целом, он конфликтно противоречил открыто изложенной позиции самого Чехова, который многократно засвидетельствовал свое негативное отношение к встреченной им в Сибири местной интеллигенции и очевидно не предполагал встречного творческого импульса с ее стороны...» [24, с.78].

Важность сибирского областничества в истории и структуре «СТ» подчеркивается всеми выше обозначенными исследователями. В рамках данной работы мы не имеем возможности подробно рассмотреть феномен областничества, равно как и писателей-«деревенщиков», их вклад в формирование «СТ». Мы лишь отметим несколько наблюдений, сделанных К.В. Анисимовым и А.И. Разуваловой: «областники искали способ превратить Сибирь из объекта приложения разнородных, не всегда согласованных правительственных инициатив в полноправный субъект культурно-экономической деятельности и оставались при этом в рамках модернизационной парадигмы, а “деревенщики” стремились выразить стадиально более позднюю травмированность модернизацией (в том числе проговорить, насколько это было возможно в подцензурных условиях, болезненный опыт коллективизации).» [там же]. При этом, последние, в частности, В.П. Астафьев во многом соотносится с идеями областников («сибирское

пространство предстает у него (Астафьева), как и у областников, принципиально полиэтничным» [там же], <...> «Потанинская мысль о связи в глазах Ядринцева сибирского крестьянина и инородца перед лицом столичной колониальной экспансии близка к идеологическим построениям «деревенщиков», прежде всего Астафьева» [там же].

«СТ», как мы убедились, понятие сложное и полисемантическое, имеющее свою историю. Перед нами не просто «текст», а «метатекст» (по мнению Янушкевича), «гипертекст» (по мнению Тюпы), сверхтекст (Галимова). Нам представляется важным обратить внимание на другое понятие, «сибирская литература».

1.2.1. Термин «сибирская литература» в современных исследованиях

В «Исторической энциклопедии Сибири» в статье о сибирской литературе (автор – Анисимов К.В) не даётся конкретного толкования понятия (что обусловлено спецификой словаря), но рассматривается его становление, введение в научную практику. Прежде всего отмечается роль областников: «принципиальное значение в эстетической программе областников имеет конструирование ими целостного представления о литературном процессе в Сибири» [29]. Затем – деятельность литературоведов: Чужака-Насимовича, Азадовского (тематический подход), коллектива авторов двухтомного труда «Очерки русской литературы Сибири» (сибирская литература как часть национальной литературы). «Очерки ...» - первый фундаментальный труд, и нам кажется важным рассмотреть подход составителей к сибирской литературе.

Несколько раз во введении к первому тому повторяется мысль о связи сибирской литературы с общенациональной: «Эта литература была и остается органической частью отечественной литературы <...> Литература любой области или края является лишь участком общерусской, и, следовательно, не «краеведческие особенности» должны быть положены исследователями во главу угла, а общие, единые для всей страны, в том числе и для литературы

закономерности развития ... сам термин «областная литература» неприемлем сегодня, - единственно правильным нам представляется термин «литература области» <...> уже не может быть и речи о самостоятельных литературах внутри общенациональной (критика подхода Пиксанова Н.К.) <...> Литература области или края — это часть общенациональной литературы, представленная художниками, которые тесно связаны с общественной жизнью данной области и участвуют в местном литературном движении». *Территориальный признак* является основным в подходе коллектива авторов к объекту анализа: «в основу данного исследования положен *территориальный признак* и рассматривается в нём главным образом то, *что происходило в самой Сибири, при этом участие в местном литературном движении становится определяющим фактором при отборе писательских имён: неважно, является ли художник коренным сибиряком или «пришельцем», но зато важно, в какой мере он связан с Сибирью и какова степень его участия в развитии местной литературы»;*

«...понятие “литература Сибири” включает в себя прежде всего то, что создавалось писателями-сибиряками в самой Сибири» [30, с.7-11]

Подход авторов не раз подвергался критике в филологическом сообществе. Альтернативные работы – Б.А. Чмыхало «Сибирский регионализм», Н.В. Серебренников «Опыт формирования областной литературы» и К.В. Анисимова «Проблемы поэтики литературы Сибири XIX - начала XX века», к которым мы обратимся далее.

Термин/понятие «сибирская литература» продолжает вызывать споры в современном научном сообществе.

В упомянутых выше сборниках («Сибирский текст в русской культуре» 2002 и 2007 гг.) во введении ставятся следующие вопросы:

«Чем была и чем стала культура Сибири? Возможна ли здесь оригинальная литературная традиция? [10, с.5]; Сначала мы должны сами себе задать вопрос: что такое Сибирь сегодня и чем она могла бы стать? Только ответив на вопрос

исходный, можно браться за частные вопросы, например за литературное краеведение [там же].

Фиксируется отрицательная модальность существования «сибирской литературы»:

Б.Ф. Егоров в первом сборнике, отвечая на вопрос Н.В. Серебренникова о существовании «сибирской (донской, поморской и т.д.) литературы и её связи с региональным самосознанием, отмечает:

«Там, где появлялось региональное самосознание, не могла не возникнуть соответствующая литература. Поэтому для меня нормальны термины «поморская литература» (один Б. Шергин чего стоит), «донская литература» (Ф. Крюков, М. Шолохов). **Затрудняюсь с «сибирской литературой», но, наверное, с некоторыми оговорками, можно и ее считать существующей** [там же, с. 8-9] Н.В. Серебренников в монографии «Опыт формирования областнической литературы» отмечает: «Осторожность Б.Ф. Егорова ... понятна: затруднительно ощутить то, что себя не волне выразило – но всё же обозначилось и позволяет так или иначе себя трактовать» [31, с.25].

Л.П. Якимова в статье «О концепции литературной истории Сибири» фиксирует дефициты в современном сибиреведении, сибирской литературной критики: «Что касается **взгляда на современную ситуацию в сибиреведении**, то опять следует начать с оценки времени. **Время разбросало некогда единую литературную Сибирь по отдельным углам; локализованность, герметичность интересов стала нормой культурной жизни Сибири. Литературное развитие уступило место понятию «литературная жизнь». Всюду свой характер дробления сил, свой принцип партийно-идеологической классификации литераторов.** Писатели одного города *не испытывают интереса к общелитературной ситуации Сибири, а равно нет и общей для всей Сибири литературной критики*» [10, с.12].

А.П. Казаркин в статье «Сибирская эпопея» фиксирует незавершённость становления сибирской литературы:

«Подводя предварительные итоги XX столетия, придется признать, что *русская сибирская литература, о которой мечтали областники на исходе XIX в., оригинальная художественно, а не только тематически, так и не сложилась.* [там же, с.63]

Но автор отмечает, что «к началу XXI в. *стало очевидно, что хранителем национально самобытной традиции может быть только провинция, конфликтующая с «мировым городом»* (О. Шпенглер).

[там же, с.75-76].

Во втором сборнике (2007 г.) в статье «**Литературная классика Сибири: подход и дефиниции**» исследователь задаётся следующими вопросами:

«Что значительнее: литература Сибири или словесность отдельной её области? *Разграничения понятий региональный литературный процесс и литературное краеведение* нет порой даже в академических изданиях... *изучение региональной классики – задача куда более сложная. Предмет изучения здесь – слово Сибири, её самовыражение, и в этих текстах мы выделяем наиболее ценные художественно* [11, с.32].

Актуализирует проблемы в современном состоянии толкования «сибирской литературы» и даёт своё определение: «Ещё областники разделили понятия: литература о Сибири и собственно сибирская литература, - *но теперь заново изобретают самокат.* Термином «литература Сибири» обозначали: *местную литературную жизнь (это краеведческий аспект), историко-культурный ландшафт, особую картину мира. Мы понимаем региональный художественный процесс как выражение субэтнического сознания (художественное самописание)* [там же, с. 33]. Таким образом, Казаркин ставит в центр отождествления сибирской литературы как регионального литературного процесса понятие субэтнического сознания.

В выше указанных работах Б.А. Чмыхало «Литературный регионализм» (1990 г.) и «Молодая Сибирь: регионализм в истории русской литературы (1992)», а также Н.В. Серебренникова «Опыт формирования областнической литературы» (2004 г.) и К.В. Анисимова «Проблемы поэтики литературы Сибири XIX-начала

XX века» (2005 г.), рассматривается научное освещение представлений о понятии/термине сибирская литература, его региональной специфике.

В монографии Б.А. Чмыхало «Молодая Сибирь» [32] фокус внимания исследователя сосредотачивается на существующих подходах к истории литературы и вопросе о месте и специфике региональной литературы в ней.

Исследователь отмечает: *«История литературы считается прежде всего с фактором времени ... На данном фоне фактор пространства остается совершенно недостаточно оцененным. Хотя вполне очевидно, что историко-литературный процесс локализуется с той же обязательностью, как и разворачивается во времени. Пространство, как и время, является условием существования литературы в качестве своеобразной динамической системы»* [там же, с.3]

И далее: *«Это обстоятельство приобретает тем больший вес, чем с большим в географическом отношении пространством мы имеем дело при анализе историко-литературного материала. В системе отдельной национальной литературы фактор пространства проявляется через региональную специфику.* [там же]

Понятие «регионализма» определяется следующим образом: *«Под регионализмом мы подразумеваем, во-первых, сам принцип содержательного деления литературного пространства. В этом смысле фактор регионализма универсален для истории русской словесности и выступает в качестве своеобразной категории литературного процесса. Во-вторых, регионализм - это вполне конкретное явление, относящееся к XVIII-XX вв. и наиболее ярко проявившее себя в Сибири. Мы принципиально избегаем тавтологии: регионализм = областная литература»* [там же, с.6]

В разделе «Регионализм как историко-литературная проблема» в главах «Исследования: итоги» и «Смысл и значение регионализма» исследователь рассматривает проблемы выделения региональной литературной традиции и специфику регионализма как явления.

В первой главе («Исследования: итоги»), соответственно, приводятся основные научные работы по теме региональной литературы (в том числе сибирской), бывшие в поле внимания исследователя на момент создания монографии - от И. Тэна, Н.К. Пиксанова до Л.П. Якимовой "Русская литература Сибири".

Отмечается формирование термина «сибирская литература»: «представление о литературе Сибири как "областной" сформировалось в критике второй половины XIX-начала XX вв. *Отношение же к самому словосочетанию "сибирская литература" стало означать на деле признание (или же напротив, отрицание) существования явления регионализма, не определенного еще терминалогически, в литературном процессе вообще*» [там же, с.30] Основными «теоретиками» были Н.М. Ядринцев и Г.Н.Потанин, которые, как пишет Чмыхало, вывели сибирскую литературу из состава русской, что оценивается как *«своеобразный тактический прием, преследующий цель утвердить специфику "сибирской литературы"»* [там же]. Отмечается и важность роли региональной литературной критики, теме которой посвящена отдельная глава монографии. Тот факт, что в сибирском пространстве оба института - литературы и литературной критики дополняют, формируют друг друга и, таким образом, не могут существовать друг без друга указывает на схожесть такого процесса в национальной литературе конца XVIII-начала XIX вв (см. статьи Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина и др.). Примечательно приведенное выше замечание Якимовой об отсутствии литературной критики в современном сибириведении и, как следствие, кризисном состоянии сибирской литературы. Это может стать предметом следующих исследований.

В главе «Смысл и значение регионализма», опираясь на публицистику Потанина и теорию субэтнуса Л.Н. Гумилёва, исследователь создаёт следующую точку зрения на понятие литературного регионализма: «логика формирования литературного регионализма предполагает *причинно-следственную цепь: регион-субэтнос- "культурный сепаратизм"*. Принцип *"территориальности"*, таким образом, означает признание конкретного региона в качестве базы

исторического бытия этнической “подсистемы” (субэтнуса). Последняя коррелируется с соответствующей культурной “подсистемой”, что может быть выражено уравнением: национальная литература соотносится с региональной так, как этнос соотносится с субэтносом» [там же, с.65]

Н.В. Серебрянников в монографии «**Опыт формирования областнической литературы**» отмечает отсутствие полной сформированности областнической сибирской литературы:

Областнические идеологемы, казалось бы, вплотную вели к созданию собственного литературного направления, однако конкретного исследования его истории до сих пор не было по единственной причине: это литература несостоявшаяся. Общее согласие, что она существовала, возникло ввиду исторического казуса: вполне сложившаяся идеология позволяла говорить и о соответствующем художественном воплощении провинциальных проблем, но этот опыт не удался: областники остались при своих началах, не выразив их в художественной литературе почти никак» [31, с.8]

Серебрянников создаёт классификацию того, что в собственном смысле слова не является литературой Сибири и того, что является. Приведем его точку зрения:

1) То, что не является сибирской литературой:

а) краеведческие темы, не имеющие отношения к данному литературному процессу - например, поездку Чехова на Сахалин;

б) сочинения о Сибири как стороннее использование здешних особенностей - например, “Около золота” ссыльного Л.П. Блюммера или “На краю света” не бывавшего тут Н.С. Лескова;

в) созданные в Сибири и, вне зависимости от авторства и их достоинств, её проблемы никак не затрагивающие;

2) То, что является сибирской литературой:

d) литературу Сибири, выразившую какие-либо свойства места и времени, но не влиявшую на творческую ситуацию, т.е. ту, что обычно воспринимается как второстепенная;

e) верную в описании родного быта или

f) глубинном проникновении некоренного наблюдателя в сущность изображаемого, т.е. ту, что составляет фонд местной классики - например, рассказы Н.И. Наумова и “Сон Макара” ссыльного В.Г. Короленко;

g) *сибирскую литературу по принадлежности и по сути определения, т.е. исходящую из потребностей самосознания* - например, Потанина “Из переписки молодых друзей” [там же, с.23-24]

В центре внимания исследователя находится именно последнее определение сибирской литературы, которое с его точки зрения является единственно верным, так как исходит из “потребностей самосознания”.

Оба исследователя совпадают в точке зрения на сибирскую литературу как части общерусской. Отмечают важность специфического самосознания. Но в их взглядах стоит отметить и существенные расхождения. Например, Серебренников критикует одно из суждения Б.А. Чмыхало о литературном регионализме: “качеством “суммарной продукции региона” “сибирская литература” как таковая не является, а явление не есть качество (сущность), энциклопедические словари предлагают различать это по типу формы [там же, с.32];

В работе К.В. Анисимова «**Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: особенности становления и развития региональной литературной традиции**» рассматриваются разные подходы к определению понятия «сибирская литература», проблематизируются границы его осознания:

«Это обусловлено ... тем, что *объектом рассмотрения является традиция, инкорпорированная в многоуровневую литературную систему большей сложности (национальная литература), с которой в целом совпадает по ключевым признакам: языку, этапам эволюции* и т.д.» (курсив наш) [25, с.7]

И далее: «*Вопрос об идентификации региональной словесности является принципиальным для изучения ее поэтики*» [там же]

Исследователь считает, что «на первом плане при изучении региональной словесности должны находиться личность писателя, его *самосознание* (курсив авторский), т.е. стремление ассоциировать свою деятельность с регионом, соотносить свою биографию с его исторической судьбой» [там же, с.14].

При этом определение «региональности» в самосознании того или иного писателя и, в общем, в литературе, так же проблематизируется исследователем: «Выявление системообразующей для областной словесности роли регионального самосознания решает далеко не все проблемы, - *едва ли возможно просто разделить связанные с Сибирью тексты на позволяющие это самосознание реконструировать и, соответственно, не позволяющие, после чего приступить к изучению первых, отбросив вторые* <...> Становление регионального самосознания - сложный и неоднозначный процесс. Изучение его литературной составляющей порой заставляет исследователя обращаться к неожиданному, на первый взгляд, материалу, отбор которого в рамках литературного сибиреведения представляется чрезвычайно актуальной проблемой» [там же, с.17].

«Ситуация *отдаленности Сибири*» (курсив авторский) – это основной фактор сибирского регионализма и доминанта областного самосознания. Данная ситуация задаёт два основных типа поведения: 1) «сценарий абсентеизма, возвращения человека на территорию исторического центра страны»; 2) укоренение на родной земле. Эти типы поведения актуализированы в различных реальных биографиях жителей Сибири, в частности, второй тип – у областников, а позднее у «деревенщиков». К данной теме мы ещё обратимся далее.

1.2.2. «Сибирская литература» и «Сибирский текст»: проблемы соотношения

Во введении монографии «**Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве**» отмечаются два подхода к определению «СТ». Первый подход уже

рассмотрен нами (В.И Тюпы), а второй вызывает вопросы: «Другой ракурс проблемы – **понимание сибирского текста как аутентичной локальной словесности, катализатором к формированию которой служит территориальная идентичность** (в случае с Сибирью – областничество XIX – начала XX вв. и его рефлексии в советской словесности и культуре диаспоры)» [12, с.3] (курсив наш). С точки зрения авторов эти подходы «являются взаимодополняющими – в соответствии с логикой самого материала, который представляет собой, с одной стороны, огромный массив текстов «о Сибири» (первый подход) <...> а с другой – опыт становления сначала местной рукописной, а затем и литературной в собственном смысле традиций» там же (второй подход). Второй подход, как кажется, полностью совпадает с определением понятия «сибирская литература», о котором мы писали выше. Является ли «СТ» таким образом синонимом «сибирской литературы»?

В монографии Анисимова «СТ» связан с тематическим подходом к «сибирской литературе»: «тематический подход, при всей его продуктивности в связи с популярными в последнее время исследованиями *территориального "текста"*, вообще никак не способствует выявлению историко-литературных и поэтических параметров региональной словесности» [25, с.13].

Казаркин в статье «Литературная классика Сибири: подход и дефиниции» отмечает всесторонность определения «СТ» в современной филологии и предлагает свой взгляд: «С недавнего времени (после работ В.Н. Топорова) филологи увлечённо злоупотребляют словосочетанием “сибирский текст”, маркируя им всё, что где бы то ни было сказано про Сибирь. По этой логике, любые домыслы европейцев о Зауралье – “сибирский текст” <...> терминологическая беспечность создаёт фельетонную ситуацию. *Если же под сибирским текстом понимать мироощущение жителей региона, тогда это словосочетание становится термином ... Это не взгляд со стороны, это самовыражение сибиряков, будь они охотники или писатели. И это не обязательно “Сибирь*

как мифологема” [11, с.34]. Для Казаркина «СТ» шире литературного поля, если пользоваться терминологией П.Бурдьё.

Авторы монографии, уподобляя «СТ» локальной словесности (т.е. сибирской литературе), ссылаются на монографию Н.В. Серебренникова, к которой мы обращались выше. У него данное понятие используется только в заголовке параграфа «Конструирование сибирского текста» в третьей главе монографии. «Конструирование» «СТ» в работе исследователя связано с деятельностью Потанина и Ядринцева, а именно с их совестным «проектом» романа «Тайажане».

На наш взгляд, стоит разделять понятия «СТ» и «сибирской литературы», несмотря на то, что и то, и другое остаются спорными в современной филологии. Возможно, на данном этапе «СТ», если пользоваться теорией литературной эволюции Ю.Н. Тынянова [33], вывел на периферию термин «сибирская литература» за счёт большего исследовательского внимания. Тем не менее «СТ» рассматривается нами как часть поэтики литературы Сибири, и в данной работе, как инструмент интерпретации прозы М.А.Тарковского.

Глава II. М.А. Тарковский и современный литературный процесс

2.1. М.А. Тарковский: особенности самопрезентации, идеология, связь с литературными направлениями (на материале интервью, публицистики автора, литературной критики):

2.1.1. Тема «судьбы» писателя: связь литературы и «жизни»

М.А. Тарковский – современный русский поэт и писатель. Фамилия и выбор жизненного пути художника не могут не привлекать внимания. Вопрос о причине переезда из Москвы в Сибирь присутствует почти в каждом интервью с Тарковским. Павел Басинский в статье «Третий Тарковский» отмечает: «... я знаю, что Михаил, мой товарищ по литературе, не любит, что ему слишком часто напоминают о его “элитном” родстве ... у Михаила Тарковского *своя судьба и свой совершенно особенный жизненный и творческий путь*. Я вообще думаю, что *судьба "третьего Тарковского" требует ничуть не меньшего осмысления, чем его проза*. Мне кажется, он и сам это понимает, хотя никогда не высказывается об этом прямо даже в дружеском кругу (курсив наш)» [34].

Василий Авченко в статье "Большая страна Михаила Тарковского", предваряющей роман «Тойота-Креста» в нескольких изданиях, пишет, что писатель «осознанно *сломал* судьбу, которая была определена ему по рождению, и выстроил другую, показавшуюся ему более правильной (курсив наш)» [35].

В одном из первых интервью (1998 г.) из архива В. Кузнецова, Михаил Александрович говорит о том, что «сплошь и рядом, люди, родившиеся в городе, уезжали за его пределы и любой человек, который любит природу, может понять такой поворот событий, да и потом, обычно не всё же «взял сразу вскочил, куда-то там помчался и на всю жизнь осел», - дело постепенное. Сначала приехал, посмотрел, понравилось. Потом приехал на подольше, потом, глядишь, и остался. Годы уходят жизни на это. Всё как-то естественным путём в таких случаях бывает». На вопрос интервьюера о выборе региона, Тарковский ответил, что «**как-то судьба сюда затащила**» (В Туруханский район Красноярского края) [36].

Ни раз писатель говорил, что Сибирь была его мечтой детства³. Большую роль в его жизни сыграла бабушка Мария Ивановна Вишнякова по линии матери. В очерке «Бабушкин внук» Тарковский признаётся, «всем самым главным в своей судьбе я обязан бабушке, под надзором которой прошла главная часть моего детства. Бабушка сыграла определяющую роль в выборе первой профессии, да и *весь мой дальнейший жизненный фарватер прошел в ее створе*» [37, с.322]. Фарватер – это часть водного пространства, достаточно глубокая и безопасная для прохода судов (словарь Евгеньевой). Что такое створа писатель объясняет чуть выше: «створами называют судовые знаки: два щита на берегу – один над другим. По ним судно выдерживает курс. Створы сошлись – значит идешь правильно...» там же. Одна из особенностей автора – характеризовать что-либо через специальные понятия из области географии, гидротехники и проч. Это обусловлено образованием и, шире, мировоззрением Тарковского. Мы ни раз будем отмечать это. Как кажется, Тарковский не ломал свою судьбу, а закономерно следовал за ней.

Михаил Александрович не только создаёт художественные произведения, но и пишет очерки (синкретичный жанр, включающий и художественные, и публицистические особенности), является главным редактором литературно-краеведческого альманаха «Енисей».

В цикле очерков «*Жизнь и книга*» (в журнальной версии [38], цитировать будем по книге «Избранное») автор снова смотрит на персонажей своих произведений, которые имеют прямой референт во внехудожественной реальности, то есть на реально существующих конкретных людей. Н.А. Вальянов, автор единственной на сегодняшний день монографии по творчеству Тарковского, отмечает «публицистика как бы продолжает прозу, и судьбу героя мы узнаем в пространстве не одного конкретного произведения, но в границах целостного художественного мира писателя». [39].

³ URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2014/05/30/59791-mihail-tarkovskiy-171-eto-tolko-kazhetsya-chto-imenno-tebe-trudnee-187> и <https://litrossia.ru/item/10515-mikhail-tarkovskij-vremya-izloma-intervyu/> и https://vsluh.ru/novosti/besedy/mikhail-tarkovskiy-proza-trebuetsya-zadnitsy_277697/ и др. (дата обращения: 14.04.21)

В первом, одноименном с названием всего цикла очерке, ставятся важные для писателя вопросы: «Как дальше сложилась жизнь людей, о которых писал? *Несет ли писатель ответственность за дальнейшую судьбу своих героев? Не оказывает ли “участие” в рассказе влияния на нее?* [37, С.333]. Далее Тарковский размышляет над судьбой реальных людей, которые стали героями рассказа «Вековечно» и отмечает, «в этой истории нет ничего придуманного, эпизод с норкой произошел со мной, а парень и дед – мои односельчане и друзья, *но если в рассказе их связывает недоразумение на промысле, то в жизни – гораздо большее: это были отец и сын. Дядя Петя и Витя Поповы*» [там же]. В конце: Можно еще долго рассуждать, аллегории подводить... Можно писателя приплести (дескать, перевязал судьбы героев рассказом), придать литературе роль загадочно-важную, влезть со своим рассказишком в провидцы ли, в какие другие задельщики судеб. Все можно. *Только перед Витей стыдно и перед жизнью, которая в сто раз изобретательней и горше любой литературы*» [там же, с.338].

В беседе-интервью «*На третьем континенте, или Предчувствие нового Ермака*» [40] один из вопросов Юрия Беликова посвящён теме «выдумки» в прозе Тарковского: *Насколько ты привносишь в свою прозу выдумку? Или — всегда идёшь на строжне документалистики: что произошло, то и описываешь?* Далее разговор строится вокруг рассказа «Осень», обсуждается его связь с событиями, которые произошли с самим автором. Писатель отмечает, «вся эта история шаг в шаг, сантиметр в сантиметр, секунда в секунду — как было на самом деле. Ничего не придумал».

«Осень» - это тот рассказ, который относится к разряду «всё уже есть». Далее автор размышляет об историях другого типа и описывает принцип построения своих произведений: «А бывает, *истории не хватает чего-то, чтобы стать рассказом, тогда приходится её дополнять, усиливать ещё чем-то. Бывает, что полностью придумываешь, но всё равно материал из жизни, а так называемая конструкция (плохое слово) — твоя. ... Это как стройка: устройство избышке ты сам кумекаешь, ну там, где окно, где печка. А где дверь.*

И что с крыши видать. На оклад что. Листвяк или каменюки ещё подложишь. А сами брёвна, камни, железо на печку — всё равно из жизни. Настоящие. (курсив наш).

Разговор об очерке и рассказе так же представляется нам важным. Автор четко разграничивает данные жанры.

Об очерке он пишет так: Очерк — прекрасный жанр. ...Очерку и вправду веришь абсолютно. *Очерк пишется о реальном человеке, месте или событии и так, что на первом месте — донести эту правду, не заботясь о литературных правилах, которые необходимы в рассказе, — допустим, законы там композиции и прочие вынужденные эффекты, без которых «не состоится художественное произведение». В очерке главное — твоя правда, исповедальная ли, летописная»* (курсив наш).

Рассказ характеризуется следующим образом: «В рассказе больше *вымысла. Рассказ писатель выдумывает. Это абсолютно художественное произведение, скроенное, собранное тобой по твоей творческой воле, хоть и из жизненных запчастей.* И где у тебя *полная свобода действия, пусть за основу взято событие или человек из жизни.*»

Итак, в произведения автора основа, фундамент – реальные события и люди («жизненные запчасти»), а остальное – художественное построение.

2.1.2. Идеологические взгляды художника: интервью и публицистика

Слово идеология в словарях:

В словаре под ред. А.П. Евгеньевой слово идеология имеет следующее значение:

«Идеология - система идей, представлений, понятий, выраженная в разных формах общественного сознания — философии, политике, праве, морали, искусстве, религии, и отражающая коренные интересы классов, социальных групп» [41]. Это широкое определение.

В качестве рабочего определения мы берём толкование в словаре под ред. Д.Н. Ушакова: «Идеология - мировоззрение, система взглядов и идей» [42]

Пожалуй, главной идеологемой в мировоззрении Тарковского является традиция. В словаре Евгеньевой слово традиция имеет следующие значения:

«1. исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение обычаи, нормы поведения, взгляды, вкусы и т. п. || Установившийся порядок, неписаный закон в поведении, в быту; обычай, обыкновение. || *чего*. Обычная, закрепившаяся норма чего-л.

2. *Спец.* Устная передача каких-л. исторических сведений, предание» [43].

Как кажется, первые две характеристики в первом значении наиболее близки к контексту публицистики автора.

Как мы писали выше, Тарковский является главным редактором литературно-художественного и краеведческого альманаха "Енисей". Альманах выходит с 2014г. Последний на сегодняшний день сборник вышел в июле 2020 г. Мы проанализировали все статьи Тарковского в имеющихся выпусках. Он не только редактор, но и автор статей. Слово традиция не раз встречается в них.

В первом выпуске, альманаха, посвящённом памяти В.П. Астафьева, Тарковскому принадлежит слово редактора и статьи «Речной писатель» и «Русский язык на берегах Енисея» [44]

В слове редактора слово традиция входит в следующий контекст: «... в защите нынче многое нуждается—и эта земля, и тот **народный дух**, который всегда держался на **верности традиции** и на **созидании**, на памяти о **подвижническом подвиге предков**, на ощущении **преемственности** и неделимости русского времени. **Именно об объединении вокруг традиции только и стоит говорить в наши нелёгкие и символические дни, когда международные события окончательно расставили всё по местам и вернули нас к ключевой истине: у России нет в политике друзей на Западе**» [там же, с.5].

Вокруг слова традиция формируется семантическое поле, которое включает в себя слова «народный дух» (далее – народность как один из основных идеологических и художественных принципов автора), «созидание», «преемственность» (синоним слова традиция). Традиция, с точки зрения Тарковского, противопоставлена современной политической ситуации в России.

В «*Речном писателе*» слово традиция вписано в следующий контекст: «*Когда вышла книга В.Г. Распутина «Прощание с Матёрой*», когда вся страна смотрела фильм с тем же названием—*было ощущение великой силы искусства, силы писателя, способного прокричать* об ужасающей несправедливости, ... *О том, когда ради чего-то сиюминутного и имеющего весьма условную выгоду ломается самое главное для любого народа—традиция*» [там же, с.27-28]. Традиция с точки зрения автора является «самым главным» для любого народа и, если она вдруг нарушается, то происходит катастрофа.

В «*Русском языке на берегах Енисея*» следующий контекст:

«Вообще, в Туруханском районе на берегах Енисея *как основное население, так и говор традиционно русский*. Его можно подразделить на чисто енисейский и... назовём так, общесибирский» [там же, с.48];

«Долблёные лодки, которые на Енисее называются ветками и вовсю в ходу здесь, были в старину широко распространены по всей Руси и назывались обласами. *Всё это ещё раз подтверждает, что Сибирь—это действующий запасник русской традиции*» [там же, с.50]. Сибирь сохраняет и продуцирует русскую традицию.

В выпуске за 2016 г №1 в слове редактора «*Год кино в век литературы*» [45] слово традиция вписано в такой контекст: «Что касается Года литературы, он для нас знаменателен тем, *что в его канун был подготовлен важный документ—«Основы государственной политики в области культуры», где, наконец, обозначено долгожданное обращение к национальной традиции*» [там же, с 5]. В данном выпуске есть ещё одна статья автора - «О писательском ремесле», но её мы проанализируем отдельно, так как в ней содержатся художественные принципы Тарковского.

В 2017 г. в выпуске №2 слово традиция звучит в заметке «Библиотека “Мудрые дети”», которая размешена в разделе «Воспитание»:

«Библиотека “Мудрые дети” — *это попытка возродить традицию семейного чтения*» [46, с.138]. Тарковский создаёт заметку о проекте его «ближайшего соседа и соратника» - Н.А. Александрова из Новосибирска.

Воспитание для Тарковского – важная тема: «В наше *деидеологизированное время* воспитание подрастающего поколения *ведётся через американоподобный телевизор*, через витающий в воздухе рыночный дух да через установки Минобра на “успешность”» там же. Отсутствие идеологии, внимание в сторону запада – это то, что автор не принимает и предлагает обращаться к традиции.

В 2018 г в выпуске №1 в слове редактора – очерке «*Бодайбо и столетие революции*»: «Что касается автора этого очерка, то моё личное мнение всегда складывалось из двух оппозиций: *сердце противилось убийству исконного русского духа, сбрасыванию многовековой традиции с «парохода современности и ввержению страны в братоубийственную войну, а разум понимал тяжесть ситуации в начале двадцатого века и состояние, до которого был доведён народ*» [47, с.12]. Советское правительство в лице Сталина противопоставляется современному именно в наличии служения первым идеям. Тарковский предлагает свой вариант государственной политики: «ведь *гораздо логичнее было бы объединить уникальнейший опыт советских лет и сохранить государственное управление важнейшими направлениями народного хозяйства*, разрешив частное дело, *но не отменяя идеологии, а скорректировав её в русле служения Отечеству, как наиболее устраивающем большинство*» [там же].

Теперь рассмотрим контекст слова традиция в нескольких интервью с автором.

Так, в интервью Сергею Арутюнову (журнал «Сибирские огни») на вопрос «Что, помимо источника вдохновения, природа – для вас?», Тарковский отвечает подробно и, одной из его мыслей, является следующая: «... Для меня природа, пожалуй, в двух ипостасях, *промысловая, где ты как хозяин в стайке, где всё в традиции, в труде, в знании*, и монастырская, когда ты как монах в келье – на ладони у Бога» [48]. Здесь слово традиция связано с промыслом и такими словами, как труд, знание.

В большом интервью Юрию Беликову «*На третьем континенте, или Предчувствие нового Ермака*» [40] одной из тем является изображение “простого”

человека в современной литературе. Юрий Беликов задаёт вопрос, который не совсем соотносится с приведённым до него контекстом цитат из очерка «О нужности писателя» (что Михаил справедливо «незаметно» замечает, но затем всё же даёт ответ): *«Тем самым ты признаёшься, что наша нынешняя литература, которая, если брать традиции девятнадцатого века, а затем — книги писателей-деревенщиков, подзабыла простого человека?»*

«- ...Что касается нынешней литературы, о которой ты обмолвился, конечно, она простого человека подзабыла, но я думаю, что сибирские писатели остаются верны этой традиции, да и вообще писатели всей русской провинции, независимо от того, с какой стороны Камня — Урала, в смысле, — она находится».

Здесь слово традиция связано с преемственностью сибирских и «провинциальных» писателей в изображении «простого» человека в «традиции девятнадцатого века».

В «Литературной газете» за 2017 г. есть интервью Юрия Татаренко с Тарковским – «Время излома» [49]. Один из вопросов связан с темой литературы как «учителя»:

«Один из ваших персонажей говорит, что русская литература учит быть сдержанным. Почему именно этому? И чему ещё учат книги?»

«- ... В книге Сергей («Полёт совы») сам себя призывает к сдержанности, чтобы не взорваться в разговоре с либералкой Тоней. А книги учат... да, пожалуй, всему набору положительных человеческих качеств. Сегодня особенно важно повернуть молодёжь к традиционным ценностям Русского мира. Наша литература содержит для этого всё необходимое, и даже во много раз больше. Разные книги учат разным ипостасям добра – храбрости и жертвенности, смиренню и способности вступить за несправедливо обиженного, любви и верности... Можно вспомнить «Тараса Бульбу», «Войну и мир», «Братьев Карамазовых», прозу Бунина, Астафьева, Распутина. Мы учимся преемственности вообще и преемственности в поиске, в решении тех духовно-нравственных вопросов, над которыми ломали голову князь Андрей и князь Мышкин, Пьер Безухов и Алёша Карамазов. По мнению Михаила

Александровича, «традиционные ценности Русского мира» могут быть воспитаны русской классической литературой (что становится понятным по приведённым примерам).

Современную литературу в качестве «образца» Тарковский не принимает. В выше цитированном интервью журналу «Сибирские огни» на просьбу о напутствии начинающему писателю, Тарковский начинает свой ответ именно с призыва «забыть всю современную литературу»:

«Начать с того, что забыть всю современную литературу, в том числе мою и моих товарищей (простят для дела). И с такой безоглядностью погрузиться в русское многовековое наследие, чтобы церковно-славянский шрифт ночами снился, а сердце стучало в ритме «Слова о полку Игореве». Чтобы Пушкин под подушкой лежал и затекал в расслабленную душу, чтоб она, освобождённая от дневного гнёта, втягивала свободно его завет, ...

Никогда не писать на языке мира сего – только на языке Гоголя, Толстого, Бунина, Шмелёва, Астафьева, Шипова (ибо он там). Хотел сказать – Достоевского, но он столь непостижим, что его интонацию невозможно воспроизвести естественно. Сместить норму-эталон в девятнадцатый век». «Выделяется» из ряда приведённых фамилий фамилия Шипов, которого Тарковский причисляет к «пантеону» классиков. Как кажется, для широкого круга читателей, эта фамилия не знакома. Кто такой Шипов? Это писатель и священник Ярослав Шипов, на данный момент «служит в Москве в Знаменском соборе в Зарядье и в Покровском соборе Василия Блаженного на Красной площади». На читательском интернет-сайте livelib.ru размещены 24 произведения автора [50]. На данный момент мы не берёмся оценить контекст включения его имени в ряд, начинающийся с Гоголя.

В кинодокументалистике автора последний, на сегодняшний день, фильм «Жесткая сцепка» (2019г.) посвящён теме традиции, так или иначе с этим понятием связаны и «Счастливые люди», и «Замороженное время» (2009 г.).

Таким образом, традиция важна для Тарковского на разных уровнях: бытовом (в промысле), идеологическом (воспитание, политика страны), языковом

и художественном (традиция классической литературы). Сибирь для автора – «запасник традиции».

Теперь мы хотим рассмотреть те художественные принципы, на которые автор опирается при создании произведения.

В рубрике "Литературная мастерская" в статье "*О писательском ремесле*" за 2016 г. №1 и №2 [51]. В этих статьях ключевыми понятиями, на наш взгляд, являются следующие: русская классика, традиция, русский язык (шире – тема языка), истинный русский писатель. Составляющие произведения: *язык, сюжет и композиция, психологизм, народность, мировоззрение*.

Писательское ремесло трактуется автором как *«дело нелёгкое, но при настойчивом желании охотно открывает свои секреты и рецепты, главный из которых—внимательное чтение русской классики»* [там же, с.180].

Что для писателя означает русская классика? Для понимания авторской точки зрения необходимо разобраться как автор относится к фигуре писателя и какие основные правила он выделяет.

Тарковский считает, что *«писательское мастерство—вещь мёртвая и формальная, если нет глобального понимания русской литературы, чья красота и глубина особенно обнажилась нынче на фоне планетарного духовного кризиса, в ситуации, когда писателем называют любого, кто написал за две недели книжку и умудрился продать её максимальному количеству людей, ещё и хвастанув, что его книга «неплохо реализуется»*. В то время как *для истинно русского, то есть духовного, писателя* главная награда происходит именно во время написания произведения, за *которое писатель проходит целую дорогу, испытывает ощущение чуда и незаслуженной Божьей милости»* [там же, с.181]. Истинный писатель, таким образом, это духовный писатель, а писательское дело – это дорога, которая совершается по Божьей милости.

Автор выделяет два правила, которые *«помогают писателю стать писателем»*: *«Первое—назовём его правилом образца. Второе касается понимания русской литературы как многоипостасного явления»* там же

Под правилом образца понимается чтение русской классической литературы, а не современных романов, нередко переводных. Пушкин, Гоголь и Достоевский помогают, по словам автора, сэкономить молодому автору время.

«Произведение литературы — *сложнейший многожильный организм*, в котором сосуществует параллельно множество *слоёв, осей, жил*, пренебрежение каждой из которых может разрушительно сказаться на творческом итоге. ... это *язык, сюжет и композиция, психологизм, народность, мировоззрение*» [там же, с.182]. Здесь отчётливо прослеживается органицистская метафорика. Стоит отметить составляющие («органы») художественного произведения, которые выделяет Тарковский.

Язык. О языке Михаил Александрович говорит достаточно часто. Как в интервью, так и в публицистической деятельности.

В данной статье о языке говорится в контексте художественного произведения: «Хочется постоять у одной основополагающей *темы—темы русского языка, богатейшие возможности которого нынче мало кто из начинающих и даже продолжающих использует*. Связано это с тем, что от понятия «художественная литература» осталось только слово «литература», в то время как слова «художественная» и «художник» начисто забыты, а слово «писатель» настолько измельчало, что писательством нынче занимаются все кому не лень ...Проза *вырождается без образов, сравнений, метафор и прочих языковых средств выразительности*, о которых в учебниках должно настолько нудно, что, кроме зевоты, у студентов ничего не вызывает. Проза тускнеет и *без диалектной лексики*. В наиболее затруднительном положении *находится проза городская*, которая *не только оторвана от животворных источников народного языка и имеет ограниченный арсенал средств*, но подвергается *интервенции англоязычного мусора*, вносимого в нашу жизнь под технологическим предлогом» [там же, с.183]. Здесь стоит обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, по мнению автора, словосочетание "художественная литература" и слово "писатель" не имеют прежнего значения. Во-вторых, отмечается дефицит качества современных учебников. В-третьих,

выделяется понятие "городской прозы", которой не свойственны "народный язык" и широкий ареал средств; отмечается её подверженность зарубежному ("англоязычный мусор").

О теме языка в художественном произведении автор продолжает размышлять в следующем выпуске в контексте лексики персонажа [52]:

«Речь должна быть типичной, точной, представлять собой гармоническое целое и одновременно— раскрывать характеры героев. *Раскрыть характер—это так построить речь персонажа, чтобы из неё стало понятным, чем тот живёт, на что опирается в жизни, да и вообще—что это за человек*» [там же, с.186].

Выделяются такие понятия, как народная речь, сибирский колорит:

«на вид самое простое—это *народная речь*. ... Некоторые думают, что *для передачи сибирского колорита* достаточно употреблять через слово «однако» и «зимовьё», а *для поддержания народности* снабдить персонаж каким-нибудь словечком, которое он будет без конца произносить, хотя выражает оно не характер персонажа, а поверхностные представления автора о народной речи» [там же];

«русская народная речь—вещь в высшей степени творческая, индивидуальная и дающая огромный простор личности. Мы не раз говорили о том, что у каждого енисейского старика всегда был абсолютно собственный именной языковой строй» [там же, с.187].

Из всех выше перечисленных составляющих художественного произведения явно выделяются такие понятия, как народность и мировоззрение, не относящиеся к литературоведческим как сюжет и композиция. Обратимся к понятию мировоззрение, которое признаётся автором как *«самая объёмная и сложная составляющая»* [51, с.182].

В мировоззренческую составляющую входит *«философская, религиозная и идеологическая база художника, его связи с литературной традицией этноса»* там же. В следующем выпуске Тарковский пишет о том, что мировоззренческая составляющая *«подразумевает такие важные понятия, как народность, религиозность, историчность»* [52, с.185].

Народность для автора – «особый разговор, *так как она трактуется разноречиво и нередко с внешней стороны, в частности, например, как использование фольклорных мотивов и народных сюжетов.* Хотя под этим понятием следует понимать нечто гораздо более глубокое, а именно—*присущую классикам способность чувствовать себя частью огромного народа и, ставя его проблемы выше собственных художественных амбиций, уметь перекатиться сердцем в простого человека*» [там же, с.182]. Именно «классики» с точки зрения автора способны производить «истинную» народность. Тарковский отмечает, что «на некоторых этапах истории понятие народности было скомпрометировано обязателькой, утратив глубину и изначальный высокий смысл» [там же, с.183].

Понятие «народность» имеет большую историю, которую, конечно, мы не имеем возможности рассматривать в рамках данной работы. Но так как автор часто идентифицирует себя (об этом ниже) с наследием русской классической литературы и писателей-«деревенщиков» (которые для Тарковского совсем не «деревенщики» - об этом тоже ниже), то имеет смысл указать на процесс «конструирования преемственности» и «дискурса о классике» в «долгие семидесятые» в консервативной критике и в творчестве и публицистике «деревенщиков». И здесь мы ссылаемся на фундаментальную в этом смысле монографию Анны Разуваловой «Писатели-“деревенщики”» [53], к её третьей главе «“На фоне Пушкина...”...»: «Подобно дихотомии «традиции и новаторства», понятие «народность» в «долгие 1970-е» *было элементом критико-литературного дискурса нескольких интеллектуальных групп:* ее использования чуждались исследователи-структуралисты, зато официальная, «неопочвенническая» и либеральная критика, жонглируя этой категорией, ранжировали явления современной литературы и объясняли телеологию отечественной культуры. Согласно Ю. Селезневу, одному из ведущих критиков национально-консервативного направления, *стихийная народность древнерусского периода в XIX веке сменилась народностью сознательной, воплощенной “передовыми вестниками” духовных сил народа*

(аристократами, не порвавшими с "почвой", – Пушкиным, Гоголем, Достоевским, Толстым). На следующем этапе новое качество народности возникло в начале XX века, после искушения декадансом и авангардистскими концепциями. Наконец, во второй половине XX века на литературной сцене появились авторы, поднявшиеся "непосредственно от земли и станка к высотам (курсив автора. – А.Р.) отечественной и мировой культуры..." [там же, с.188]. На наш взгляд, отдельного исследования заслуживает сравнение «дискурса о классике» в «долгие семидесятые» и в современной неотрадиционалистской литературной критике и художественной литературе.

2.1.2. М.А. Тарковский и литературные направления рубежа XX – XXI века

Творчество Тарковского принято рассматривать в концепции «нового» реализма или традиционализма (*неотрадиционализм*). Эти термины и их соотношение необходимо прокомментировать.

Н.А. Вальянов, автор единственной, на данный момент, монографии, посвященной творчеству Тарковского, отмечает: «ранний (и отчасти зрелый) этап творчества М. Тарковского ознаменован *произведениями традиционалистской направленности*. Это концептуальные тексты, завершающие эстетические искания классической «деревенской прозы». Автор акцентирует внимание на процессах разрушения национальной культуры, традиции, крестьянского дома, семьи» [54, с.5]. Также исследователь обращает внимание на традиции русской классической литературы в произведениях Тарковского [там же, с.3].

В работе Н.В. Ковтун «Малая проза М. Тарковского в контексте "нового реализма"» [55, с.41] о традиционализме читаем следующее: «сам термин «традиционалистская литература» появляется в конце 1980-х, когда стало очевидным, «что традиционализм вышел за пределы, очерченные давней "деревенской прозой" и "тихой лирикой", а также нынешней патриотической публицистикой. Он представляет собой актуальный вектор этнического

самосознания, ответ на глобализацию и внутренние угрозы существованию народа и государства».

Захар Прилепин в своей истории «нового реализма» [56] не вносит имя Тарковского в число ярких представителей, «десятку» [57], которая составила часть одноимённой антологии современной прозы (нового реализма), относит его к «молодым реалистам» и пишет о нём так: «если Алексей Варламов, Олег Ермаков или Михаил Тарковский ориентировались на ушедшего во внутреннюю эмиграцию Пришвина, то Шаргунов апеллировал к Катаеву, Елизаров — к Гайдару» [56].

В диссертации Анастасии Серовой «**Новый реализм как художественное течение в русской литературе XXI века**» [58] с ссылкой на Владимира Бондаренко отмечается, что Тарковский (вместе с ним: (Олег Павлов, Алексей Варламов, Светлана Василенко) относится к группе, которая сформировалась вокруг критика Павла Басинского. В статье Владимира Бондаренко «**Новый реализм**» [59] авторы круга Басинского характеризуются следующим образом: «Это своеобразные *бунтари внутри либерального направления*. По форме, по сумме приёмов *их реализм совершенно ничем не отличается от реализма Георгия Владимова, Василия Белова или же Виктора Астафьева*. Так что этих писателей вполне можно было бы назвать *традиционалистами нового поколения, продолжающими стержневую русскую словесность в пределах отпущенного им таланта*. Новыми реалистами они стали *не по форме, а по тому вызову, который они бросили господствующему постмодернизму в рамках единого либерального направления*».

В упомянутой выше статье Ковтун на уровне названия задаётся направленность литературы автора в контексте «нового реализма», при этом отмечается и «неотрадиционализм». Эти термины перечисляются автором через запятую как стадии развития традиционализма: «Возвращаясь к проблеме филологических интерпретаций традиционализма, а позднее — неотрадиционализма, “нового реализма”, отметим, что сам термин “традиционалистская литература” появляется в конце 1980-х годов» [55, с.41]. Таким образом, существуют разные точки зрения в определении литературного

направления творчества автора. Н.Вальянов рассматривает только в контексте «неотрадиционализма». В.Бондаренко относит автора к одной из групп «нового реализма» традиционалистской направленности. Н.Ковтун Н.Ковтун так же относит творчество Михаила Александровича к «новому реализму», который наследует традиционализму. Теперь рассмотрим материалы интервью.

В интервью красноярской газете «Аргументы и факты» [60], на вопрос Ольги Лобзиной – «**в среде писателей тоже существует борьба?**», Тарковский отвечает:

«Писатели делятся на два направления. *Есть традиционалисты, которые идут дорогой русской классической литературы. А есть представители постмодернизма, достигшие особой силы в конце 80-х годов и обслуживающие идеологическую подоплёку перестройки.* Они очень крепко срослись с этой новой идеологией, *создав своё поле...*

- Куда вход для посторонних закрыт?

- Не пускают туда представителей традиционной литературы. Считают: да, была русская классика, мы её будем тряпочкой протирать, бережно хранить... Но её время ушло. ... Когда мы говорим о судьбах современников, очень важно писать житие русского человека в наши дни. И мы относимся к тому, о чём пишем, ещё и как к летописи. Ведь за это любят произведения Астафьева, Распутина, Платонова, Булгакова, Бунина, Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова, Гончарова, Лескова и других классиков. Они передают атмосферу того времени. А противники стремятся уничтожить эту память... Говорят, что классика - музей, артефакт. Это не артефакт, а про нашу жизнь».

Тарковский не признаёт литературу постмодернизма и вновь выставляет важность преемственности именно с классической литературой.

Михаил Александрович был не раз приглашенным участником Дня русской книги в Париже. В феврале 2020 г. В группе имени автора в социальной сети «ВКонтакте» публиковались заметки Тарковского о поезде в Париж.

Пост от 09.02.20 [61]: «Программу внимательно прочитал в самолёте и обнаружил в очередной раз, **что есть российская (именно российская)**

литература для местного "рынка" и для "внешнего". Как японские машины. *На экспорт московское литературное сообщество отправило этих трёх авторов* (см. фото буклета (в посте группы)), где *их назвали главными звёздами, судя по программе. Даже Прилепин не в этой тройке с бубенцами*».

Пост от 10.02.20 [62]: *«авторы из упомянутой "звёздной" тройки* (Л.Улицкая, Е.Вололазкин и Д. Рубина) *востребованы в Париже, печатаются большими тиражами и их постоянно сюда приглашают. Так что состав гостей определяется в равной степени и предложениями Москвы, и спросом во Франции*. Сегодня был круглый стол, посвящённый теме: "Сибирская литература - миф или реальность"? Андрей Антипин сказал, что поскольку он живёт в реальной обстановке и пишет о ней, то речь о мифе идти не может».

Пост от 11.02.20 [63]: Ещё раз *хочется сказать о картине русской литературы во Франции, насколько её можно постичь за столь короткое время. Как я понял, самые издаваемые писатели здесь: Улицкая, Рубина. В магазинах видел такой набор русской литературы: допустим - Достоевский, Чехов, под ними - Улицкая, Сорокин*. Четыре автора, скажем так, буквами одинакового размера. *Все в одном ряду*. Позавчера видел, как одна женщина купила целую пачку книг Рубиной. Акунина ещё любят. Вообще, как я понимаю, *в Европе современную русскую литературу знают по ряду писателей, в основном прошедших через премию Большая книга. Кроме названных мною, ещё Пелевин, Быков*. Одна из московских издателей сказала, что премия "Большая книга" - это ворота за границу ... Что еще сказать? *Хорошо, что на этом мероприятии были представлены писатели разных направлений, в частности патриотического, такие, как Прилепин, Антипин*».

Тарковский, таким образом, относит себя к традиционалистскому («патриотическому») кругу, в который относит таких писателей, как Захар Прилепин (который ни раз отмечал свою любовь к творчеству Тарковского), Андрей Антипин и др.

По биографической судьбе автора и темам его произведений, Анна Разувалова в упомянутой выше работе, называет Тарковского «деревенщиком

наоборот»: *«не выходец из крестьянства, ставший "профессионалом культуры", а, напротив, потенциальный, благодаря семейным связям, член столичной творческой богемы, проделавший путь от "цивилизации" к "природе»* [53, с.553]. Исследователь отмечает, что *«случай Тарковского как раз демонстрирует удивительную взаимосвязь между образом жизни, повседневными практиками, типом эмоционального переживания и способностью / возможностью реанимировать свойственную классической "деревенской прозе" комбинацию идеологием ... ни столь широкой аудитории, на которую могли рассчитывать предшественники, ни условий, благоприятствующих распространению взглядов о «власти земли» и ценности «корней», у Тарковского нет, как нет и амбиций реально повлиять на нежелательные политико-экономические решения»* [там же, с.552]. С последним утверждением мы скорее не согласимся, такие амбиции у автора есть, что, как мы продемонстрировали выше, проявляется в публицистике. Примером реального действия может служить недавний случай, произошедший в Тобольске вокруг полемики о наименовании нового аэропорта. Тарковский выступил в этой полемике за имя Ермака, который и вызвал споры в общественности⁴.

Мы точно согласны с точкой зрения исследователя о том, что для Тарковского *«ценность проговаривания "простых истин" о необходимости контакта с "почвой" и природой ... несомненна – он видит в традиционализме культурную репрезентацию сопричастности "природным первоначалам" и "бытийным глубинам"»* [там же].

Отметим в завершении параграфа, что произведения Михаила Тарковского вошли в список «главных русских книг XXI века (личный рейтинг некоторых экспертов)» одного из лучших современных интернет-ресурсов по русской литературе – «Полка»⁵. Среди отмеченных произведений автора – «Тойота-Креста», предмет нашего изучения.

⁴ URL <http://tobolsk.org/index.php/ru/home/stati/340-za-prisvoenie-imeni-ermaka-tobolskomu-aeroportu>

⁵URL <https://polka.academy/materials/750> (дата обращения 5.03.12)

Итак, Михаил Тарковский, по самолегитимации - писатель-неотрадиционалист (неопочвенник, патриот), глубоко «укоренённый» в традиции русской классической литературы. Наблюдения критиков и литературоведов, как мы отметили выше, расходятся.

Глава III. Репрезентация Сибири в творчестве М.А. Тарковского

3.1. «Сибирский текст» в малой прозе писателя

Сибирь – неотъемлемая часть произведений автора. Но прежде чем рассматривать художественные тексты, необходимо понять прямое отношение Тарковского к Сибири. В интервью и публицистике автора «тема Сибири» занимает важное место.

В альманахе «Енисей» (о нём мы писали выше) мы обратили внимание на «слово редактора» в разных выпусках и на статью «Речной писатель», опубликованной в первом выпуске альманаха.

В первом выпуске Тарковский-редактор обращается к читателям следующим образом: Дорогие земляки! Дорогие жители центрального Красноярья, Таймыра, Эвенкии, Хакасии, Тувы! *Все те, чья жизнь так или иначе объединена огромной жилищей Енисея, этой непомерной дорогой длиной в четыре тысячи километров...* Даже находясь на самом востоке Эвенкии, мы чувствуем душой эту великую реку жизни, которая для каждого из нас давно уже гораздо больше, чем просто водная артерия: это и общая любовь, и мера гармонии Божьего замысла (курсив наш) [44, с.5]. Связующим не только в физическом, но и в метафизическом смысле пространством для автора является река-Енисей.

В «Речном писателе» эта мысль продолжается, но несколько трансформируется. Природа как стихийное, естественное явление противопоставлено городу как неестественному, искусственному. Река является частью природы, именно от рек «зависит жизнь в этих суровых краях». Для Тарковского реки являются учителями: *как прекрасно выравнивается жизнь каждого человека*

Енисеем или Ангарой! Как почётно и писателю быть таким же учеником, как простой ангарец или сельдюк, как герой «Царь-рыбы» Акимка, для которого главный сюжет его жизни—Енисей. [там же, с.20]

Отмечается единство территорий, связанных Енисеем и мужественность, антропоморфность реки (что репрезентировано и в художественных текстах): *«Енисей—это один мир, одна территория, объединённая одной рекой-дорогой, огромной, крепкой, мужественной»* [там же]

Пространство Сибири является признаком истинной литературы и сохранения «русскости»: *Литература наша, всегда жившая живым, настоящим, корневым*, отторгая город с его элитарностью и западными веяниями, *обманула цивилизацию и проложила себе основное русло через Сибирь—край, где русское ещё сохранилось нетронутыми очагами, как клочками местами оставался соболь после убийственного перепромысла в начале двадцатого века* там же.

Выше мы уже отмечали, что Сибирь для автора в языковом плане «действующий запасник русской традиции».

В выпусках за 2018 и 2019 гг. размещены очерки писателя о Бодайбо. Первый также связывается с юбилеем революции 1917 г. (писали выше). Второй посвящён поездке в Бодайбо спустя 40 лет после первого пребывания. Поездка в Бодайбо, «образ трудовой Сибири» определили дальнейшую судьбу автора.

В Сибири, как отмечает Тарковский, *встречи с читателями ... были хороши своей искренностью и ощущением, что мы все живём в одном пространстве и понимаем друг друга с полуслова.*

В интервью с автором часто встречался вопрос об особом характере сибиряков⁶: *«сибиряк - совершенно особый "подвид" русского человека, который выковался за четыре века на морозных просторах, стал крепким и самостоятельным, под стать суровой и прекрасной природе».*

⁶ [Михаил Тарковский рассказал в Барнауле о своем новом фильме — Российская газета \(rg.ru\)](#) (дата обращения 05.03.21)

В кинодокументалистике автора, например, в «Счастливых людях» и «Замороженном времени» Сибирь репрезентируется как место счастливой жизни и знаковая часть судьбы автора. Пространство, дорога – основополагающие элементы фильма «Жесткая сцепка».

Важно отметить, что Тарковский не идентифицирует себя именно как сибирский писатель. Михаилу Александровичу важно быть именно русским писателем, который следует традициям русской классической литературы (как мы уже отмечали выше). В интервью как номинанта Патриаршей литературной премии на вопрос интервьюера "А писали вы по образу Аксакова, Тургенева, Пришвина, исключительно охотничьи рассказы?", Тарковский дал развернутый ответ, который мы приводим полностью:

«Вы знаете, всегда было ужасно досадно, когда из меня пытались сделать какого-то такого краеведческого писателя, который пишет про такое областничество, про какое-то свое место и там охотник краеведчески раскрывает это место на страницах, становясь писателем. И Пришвин, и Аксаков, это прежде всего великие писатели и мыслители, и патриоты, и в них это важно. Для меня тоже. В тех рассказах, где место действия тайга или моя деревня, всегда мне было важно именно связь с русской классикой - в плане человека, в плане осознания этим человеком своего места в жизни ... без сугубого областничества, заужения пространства художественного. Всегда ужасно обидно было, когда называют Виктора Петровича Астафьева или Василия Ивановича Белова "деревенщиками", ну, какие они деревенщики? Это великие русские писатели, которые продолжают нашу великую традицию, ту самую столбовую дорогу, которую проложил и Лев Николаевич Толстой (особенно в ранних своих произведениях), и Федор Михайлович Достоевский. Это одна дорога, она никак не должна быть унижающе заужена, привязана какому-то случаю» [64].

На встрече с читателями в библиотеке-музее В.П. Астафьева в Овсянке (23.05.21) на прямой вопрос читателя «считаете ли вы себя именно сибирским

писателем?», Тарковский ответил так: «я считаю себя и Сибирь частью России, и соответственно, я считаю себя русским и сибирским писателем, я вообще не люблю сибирский сепаратизм, я считаю, что Сибирь – это огромная часть России от Океана до Океана, и мы не будем делиться на “до Урала, за Уралом”» [65, 1:02 – 1:03 мин].

Перейдём к репрезентации Сибири в малой прозе автора. Отметим, что Тарковский свой творческий путь начал с поэзии, в которой так же образ Сибири имеет большое значение.

К малой прозе мы относим рассказы и повести Тарковского, которые изначально публиковались в различных литературных журналах: «Новая юность», «Новый мир», «Октябрь», «День и ночь» и др. Отдельные издания сборников прозы стали появляться с 2009 г. [66, 67]. В 2014 г. вышла книга «Избранное» [36], «куда автор отобрал лучшие, на его взгляд, прозаические произведения за последние двадцать лет – рассказы, повести, очерки, эссе» [54, с.10].

В рассказах и повестях автора основным местом развития событий является Сибирь, а именно три сибирских топаса: город, деревня и тайга. Выделяется из этого ряда, пожалуй, только повесть «Гостиница «Океан», но о ней мы напишем чуть ниже. Как мы уже писали выше, почти каждый персонаж рассказов или повестей имеет референт во внелитературной реальности. То же можно сказать и о пространстве. Город – Красноярск (в произведениях прямое топонимическое название, деревня – Бахта (чаще всего не называется).

Мы уже рассматривали прозу автора в контексте «сибирского текста русской литературы» на примере повести «Енисей, отпусти!», где выявили мифопоэтические особенности репрезентации пространства Сибири.

Город в рассказах и повестях автора представляется в большей степени как негармоничное пространство, сближающееся с мифологемой о Сибири как страны мертвых.

Деревня – уже не традиционный топос, амбивалентный. С одной стороны, имеющий райские черты, а с другой, адские, перевернутые.

Тайга – пространство, наполненное положительной семантикой, но с различными функциями: от пространства эстетического наслаждения до места инициации, места, где возможно духовно-физическое воскресение. Итак, Сибирь занимает важное место в публицистике, кинодокументалистике и художественной литературы автора. Пространство - в центре авторского внимания. В этом смысле можно говорить о «единстве видения» (по терминологии А.П. Чудакова [68]) Тарковского: репрезентация характера человека через пространство. Образ Сибири в малой прозе Тарковского не представляет собой единый идейный концепт, а проецирует разные модели восприятия данного пространства, что, в целом, соотносится с амбивалентностью мифологемы Сибири.

3.3. «Сибирский текст» в романе «Тойота-Креста»:

3.3.1. Роман и его место в творчестве автора, критическая рецепция текста

«Тойота-Креста», одно из главных, на сегодняшний день, произведений автора (по его личному признанию)⁷, создавалось постепенно. Изначально «роман» публиковался как повесть в журнальных версиях «Октября» (2007, 2009 гг. [69, 70]) и «Дня и Ночи» (2014 г, части «Распилыша» [71]) с 2007 по 2014 гг. В выпуске журнала «Октябрь» за 2009 г. [69] в предисловии Михаил Александрович называет повесть «Тойота-Креста и другие» и напоминает читателю основные события уже вышедшей части произведения. В 2009 г. в новосибирском издательстве «Историческое наследие Сибири» выходит трёхтомник произведений автора: «Замороженное время», «Енисей, отпусти!» и «Тойота-Креста» (первые две части романа) [72]. В “завершенном” виде роман выходит в 2016 г. в московском издательстве «Эксмо» [73], в 2018 г. переиздаётся там же, в 2021 г. в издательстве «Вече».

⁷ [Замороженное время Михаила Тарковского — Новости Сургутского района - Вестник \(vestniksr.ru\)](http://vestniksr.ru)

В 2016 г. роман вошел в длинный список литературной премии «Национальный бестселлер». Каждая книга получает несколько рецензий. «Тойота-Креста» получила три рецензии: Андрея Рудалёва [74] (г. Пермь; является постоянным литературным критиком авторов, которые относятся к новому реализму и неотрадиционализму [75, с. 587], поэта Андрея Пермякова [76] и книготорговца из Санкт-Петербурга Любви Беляцкой [77]).

Рудалёв характеризует «Тойоту-Кресту» как «роман русского пути». В рецензии большое количество цитат, которые автор приводит как аргумент к своим тезисам о романе. Заканчивает рецензию следующим образом: «Роман Тарковского – большое поэтическое полотно. Чутко уловленный голос огромной страны, ее хора, возникающего в момент встречи «охотского тумана» с «балтийской синевой». Главное уметь открыть «огромные ворота» и не терять знания о двух единых головах. Тогда и возникает музыка...»

Андрей Пермяков начинает свою рецензию с личных воспоминаний о встрече с явлением «перегона». О романе пишет так: «... об этих пространствах, воздухе, любви к Маше и машинам, отношениях с братьями и написана книга. А написана она примерно так, как Евгений водит свой автомобиль ... Вот так вот и стиль прозы Тарковского меняется. И темп. Совершенно по-разному едет Женя, например, в Москву и обратно. И на Алтай/с Алтая по-разному. Это здорово и убедительно». В конце Пермяков задаётся вопросом: «Кино б вот кто снял по этой книге?». Отметим, что Михаил Александрович думал над созданием фильма, и отчасти последний, снятый им в содружестве с режиссером Александром Калашниковым, фильм «Жесткая сцепка» имеет отношение к «Тойоте-Кресте».

Любовь Беляцкая в целом негативно оценивает «Тойоту-Кресту», сравнивает с советским производственным романом и заключает свою рецензию следующим образом: «сибирский охотник Михаил Тарковский – отнюдь не отечественный Мариуш Вильк. Даже о русском характере, о русской природе поляк пишет как-то более душевно, тоньше и точнее. Как так? Почему? А может и потому, что японские и прочие автомобили интересуют Тарковского слишком сильно. Эта

страсть не вяжется ни с чем в его книгах. Эти десятки лишних технических деталей и названий марок машин, создают чудовищный дисбаланс с величественными енисейскими декорациями его романа».

В том же году роман вошел в длинный список премии «Ясная поляна». Рецензий на произведение нет, но приводится характеристика, которая является аннотацией к роману в изданиях 2016 и 2018 гг.: «*“Тойота-Креста” - геополитический роман о любви: мужчины и женщины, провинции и столицы, востока и запада. Это книга о двуглавости русской души, о суровой красоте Сибири и Дальнего Востока, и о дороге. Тарковский представляет автобизнес и перегон как категории не экономические, но социокультурные; описывает философию правого руля, романтический и жесткий образ жизни, сложившийся на пустынных сибирско-дальневосточных просторах к концу XX века*» [78].

Во время журнальной публикации «повесть» получила небольшие критические заметки в журнале «Континент»: «*Сибирь — край простых, суровых, надежных мужчин. Москва — место всякой сложности и кривизны. Таковую нехитрую и до оскомины привычную для него житейскую философию проверяет Тарковский отношениями своих героев*» (2007 г.) [79]; «*Читаешь прозу Тарковского и думаешь: как все складно и ладно у него выходит, сердце радуется. Что за мужики-то в его Сибири, что за жизнь-то, такая настоящая! А потом отвлечешься и вздохнешь: и на что только талантливые люди расходуют свой дар, на какие недорогие, тусклые, берложьи истины!*» (2009 г [80].

Отметим и полностью «разгромную» рецензию Александра Кузьменка на «Тойоту-Кресту» - «Право руля, или Сибириада-2016» [81].

«Коли есть в «Кресте» идея, то стократ пережеванная: *насчет особого статуса Сибири, символом которого отчего-то назначен правый руль японской иномарки ...* В итоге возникает ядреный, на страх Сорокину, соц-арт: *Григорий Потанин гремит кандалами верхом на «Тойоте»*. Знамо, наш

руль — правый, тем и славный». В романе «верхом на “Тойоте” «гремит» главный герой – Евгений, сравниваемый автором с лидером областничества, Григорием Потаниным.

Высоко оценил «Тойоту-Кресту» Роман Сенчин в рецензии «Книга жизни Михаила Тарковского» [2] :

«“Тойота-Креста”, *рождавшаяся из небольшой повести* (которая теперь составляет первую часть романа), *сразу оказалась несколько в стороне от основного корпуса произведений Тарковского...* В ней, в отличие от большинства других вещей, *герои внешне не укоренены, они действуют на огромном пространстве, торопятся, мчатся на автомобилях, отщелкивая километр за километром*».

Сенчин отмечает «незавершенность» произведения, о чём мы напишем далее: *«Вроде бы закрытый финал. Но думается, что спустя какое-то время Михаил Тарковский вернется к братьям Барковецам. Жизнь их продолжается, а значит, появятся новые причины о них писать. Да и «Тойота-Креста», кажется, стала для Тарковского книгой жизни. Не его личной, конечно, а шире — того края, что стал ему родным*».

О том, что «Тойота-Креста» для автора не роман, а «книга», отмечалось не раз самим Тарковским. В интервью газете «Литературная Россия» в беседе с Иваном Коротовым обсуждается роман «Тойота-Креста». Тарковский отмечает: *«Назвать «Кресту» романом – это инициатива издательства. Для меня это книга «Тойота-креста». И, действительно, очень важная. Мне даже по наивности казалось, что все чувствуют в точности также как я, и что она перевернёт если не мир, то Россию. В «Кресте» я впервые вышел за границы своего охотничьего участка и Красноярского края – действие происходит по всей России, жалко вот до Балтики Жека не добрался. Писать «не тайгу» сложнее – настолько всё застолблено другими. Главное в «Кресте» – ощущение России от Океана до Океана, и огромная любовь, и, конечно, место Енисея на*

духовной карте страны. Когда перечитываю «Кресту» у меня мураши по спине бегут. В плане «мурашковойжимательности» она у меня точно главная. Всё мечтаю продолжение написать. И примерный план есть». Здесь отмечаем и отличие «Тойоты-Кресты» от предыдущих произведений автора, и малое внимание к роману со стороны критики и, шире, общественности, и «важность» книги в жизни автора, и «незавершенность» финала, о котором пишет Роман Сенчин.

Отметил роман и Василий Авченко в уже упомянутой выше рецензии «Большая страна Михаила Тарковского» [35]:

«Это большая книга не только в смысле постраничного объема и даже не с точки зрения широты проблематики. В ней присутствует трудноуловимое, но очень важное ощущение огромной страны — от Балтики до Япономорья».;

«Трилогия "Тайота-Креста" для Тарковского - особая. Во-первых, это на сегодняшний день самая большая книга Михаила. Во-вторых, прежде он писал рассказы, повести и очерки в основном о Енисее, о Бахте, об охотниках ("Стройка бани", "Кондромо", "Отдай моё", "Бабшкин спирт", "Ложка супа", "Енисей, отпусти!" ...). "Креста" - проза уже ... "городская". Действие ... разворачивается чуть не на всем русском континенте - от Курил до Москвы. Новый материал потребовал особой манеры письма. "Распильш" - даже не проза, а почти поэзия. Кое-где эта поэтическая проза и прямо переходит в стихи, как будто самолёт набирает такую скорость, при которой уже не может бежать по земле - только лететь». Мы согласны во многом с мнением Василия Авченко и в следующем параграфе раскроем некоторые из перечисленных особенностей.

В целом, как нам кажется, «Тойота-Креста» не получила должного внимания в литературной критике.

3.3.2. Своеобразие хронотопа

Хронотоп – термин, который ввел в литературоведение М.М. Бахтин. «Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений,

художественно освоенных в литературе, мы будем называть хронотопом ...Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Это пересечение рядов и слияние примет характеризуется художественным хронотопом» [83, с.234-235]. Бахтин отмечает роль хронотопа в формировании жанра того или иного произведения. Именно на этот аспект ссылается К.В. Анисимов в рассмотренной выше работе «Путешествие: к вопросу о жанровой составляющей сибирского текста» [22].

В рассмотрении своеобразия хронотопа в прозе М. Тарковского мы соглашались с точкой зрения Н.А. Вальянова, который в художественном мире автора выделяет основополагающую роль пространства и отмечает «мы говорим о пространственно-временном континууме, где особое внимание автора уделено топосу и локусу; условно говоря, классический хронотоп обращается в топохрон (М. Эпштейн), время здесь «опространствлено», однако имеет все внешние признаки» [54, с. 33].

«Тойота-Креста» - одно из первых произведений Тарковского, в котором пространство значительно расширяется. Первым таким произведением можно считать повесть «Гостиница "Океан"» (впервые опубликована в журнале «Новый мир» №5 за 2001 г. [84], позднее вошла в «Избранное», о чём ни раз говорил сам автор (ссылки). В «Гостинице...» сибирские топосы (город-деревня-тайга) разбавляются пространством г.Владивостока.

Если в малой прозе автора события в основном сосредотачиваются в трех конкретных пространственных точках (город-деревня-тайга; последние две наиболее разработаны), то в «Тойоте-Кресте» пространственных точек гораздо больше и основным топосом становится город в разных его вариантах. Связующим мотивом в этом смысле является дорога (что характерно и для малой прозы, но в романе этот мотив достигает максимальной разработки). Мотив мы определяем, вслед за И.В. Силантьевым, включающим в трактовку термина несколько пунктов:

«а) эстетически значимая повествовательная единица, б) интертекстуальная в своем функционировании, в) инвариантная в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантная в своих событийных реализациях, г) соотносящая в своей семантической структуре предикативное начало действия с актантами и пространственно-временными признаками» [85, с 96]. И ещё одно рабочее определение в словаре актуальных терминов и понятий «Поэтика»: «М. - собственно *действие, своего рода предикат, организующий потенциальных действующих лиц и потенциальные пространственно-временные характеристики возможных событий*» [86, с.130].

Вернёмся к мысли о топохроне, «опространствленном» времени. Ретроспекции главного героя романа – Евгения Барковца занимают значительную часть повествования, и они чаще всего «опространствлены». Как нам кажется, рассмотрение своеобразия художественного времени в романе требует отдельного изучения. Доминирующее значение пространства звучит в несобственно-прямой речи главного героя, который принимает на себя здесь роль «учителя»: *«Потому что правила существования на земле неисповедимым образом связаны с огромностью пространства, а время лишь подсобное условие протекания жизни. И если мы хотим хоть что-то разглядеть сквозь ненасытную войну за существование, то нельзя ни на секунду ослаблять этого высотного ока – только тогда жизнь простит и подпустит, единственная и вовеки твоя»* [73, с.87].

Теперь о «сибирском тексте» в романе.

Выше мы отмечали, что в «Тойоте-Кресте» пространство, по сравнению, с малой прозой, значительно расширяется. Географических точек становится больше, и для иллюстрации мы подготовили карту передвижений главного героя романа, Жеки (см.приложение 2). Сибирь, её топосы, занимают важное место в тексте, но помимо сибирского пространства (Красноярск, Енисейск, Новосибирск, Иркутск, Братск и др.), перед читателем предстают такие города, как Москва, Владивосток, Южно-Сахалинск, равно как острова (Сахалин, Курильские острова, Кунашир, Итуруп). И в этом смысле для анализа романа может использоваться

геопоэтический подход, но в рамках данной работы мы не будем к нему обращаться.

В романе Сибирь репрезентируется в большей степени с максимально положительной семантикой. Главный герой, его братья, родились в Сибири (о системе персонажей см. далее). Слово «Сибирь» и однокоренные с ним встречается в романе 62 раза. Здесь необходимо рассмотреть контекст:

1) Слово «Сибирь» звучит в диалогах героев произведения, например:

А) «Когда Григорий Григорьевич узнал, что надо ещё заехать в один посёлок и что-то там загрузить, забеспокоился:

– **Сколько же это мы ехать будем?**

– *А мы и не торопимся. «Мы в Сибири»,* – сказал Евгений. И Григорий Григорьевич, переглянувшись с Андреем, улыбнулся благодарно, *беззащитно и, показав длинные и немного лошадиные зубы,* подался вперёд и ладонью коснулся Жениного колена. *Глаза за очками казались огромными и серо-зелёными. Маленькие руки теребили сигарету, которые он курил одну за одной»* [73, с.26].

В данном отрывке можно отметить противопоставленность не только характеров персонажей (Жени и Григория Григорьевича, режиссёра из Москвы, где второй представлен), но и особенностей протекания времени разных пространств – Сибири и Москвы. Для Сибири характерна замедленность, для Москвы – скорость (что репрезентируется главами пребывания Жени в Москве)

Б) Разговор о фильме про Сибирь, который приехал снимать Андрей: День Победы был второй темой, и в оправдание того, что авторы остановились на одном только празднике, возникла фраза: *«В Сибири к государственным и религиозным праздникам относятся, как бы помягче сказать... э-э-э... спокойно»*. Когда Женя спросил, что это значит, Григорий холодно отрезал: «Это значит до фонаря».

– Это я ещё перевёл прилично, – усмехнулся Андрей.

– Ну безграмотность обычная, – сказала Таня.

– Пасха всегда впору, – пожал плечами Олег.

– Стоп-стоп-стоп! – вскричал Андрей. – *Ну, во-первых, кто он такой, чтобы за Сибирь заявлять?* Во-вторых, я предложил: раз так, давай вообще опустим. Убери две фразы, и всё. Но он ни в какую. Ни в ка-ку-ю! Как баран! Я сам виноват, нельзя с безбожниками снимать фильмы о том, что любишь...

<...>

– Андрюха, я тебя понимаю, – продолжил Женя с новым, каким-то адвокатским посылом. – Григорий коснулся самого больного, главного ... Он коснулся, не зная, какие пошевелил жилы, корни, хрящи... А эти люди, которых он снимал... – Женя задумался. – Какими бы они ни казались ему язычниками... *а земля хранит их – в Сибири очень сильная земля... и терпеливая. У нас вообще пока ещё очень сильная земля...* – его голос дрогнул, – хотя... хотя мы уже пошатнулись... Мы уже приподнялись, отошли и колышемся, *и ещё на Востоке кое-как держимся...* за горы... А *здесь* – уже нет... *Здесь никто ничего не замечает, кроме некоторых, особо чутких ...*

– А Григорий Григорьевич защищает Михалыча от власти, всё возмущается, дескать, решают за человека, как ему рыбачить, как охотиться, как жить на своей земле. *И сам тут же решает за всю Сибирь, как ей верить*

<...>

– Понимаете! – подхватил Андрей. – В этих словах:...«к религиозным праздникам относятся... как бы это сказать-то...» – в них интонация! <...> *И это в Сибири, где всё так по-разному, где тайга от староверов трещит, где столько храмов строится...* Хотя и в целом, в обычной гражданской-то массе, не так уж и много православных, десятая доля – от силы. Но ведь всё же понятно почему... И поэтому – в интонации дело» [там же, с.204-206]. (часть 2. «Крест», глава 2, 8

главка). Здесь продолжается тема «особого» пространства Сибири и Востока. Стоит отметить, что обсуждаемая героями ситуация имеет прямой референт в жизни автора в случае с фильмом «Счастливые люди»⁸, где фраза про государственные и религиозные праздники идентична точь-в-точь.

В) особость пространства Сибири и Дальнего Востока проявляется в «оживлении» машин, их наименовании; в эту же группу отнесём специфические «сибирские» наименования разных предметов:

1) «оживление» машин: « ...Сань, ну ты подумай: *разве какому-нибудь перегону с Запада, с какого-нибудь Выборга, в голову пришло бы так одушевить эти все «опеля»-«фольксвагены», как мы... их одушевили?!*

– «Карины»-«марины»?

– Но. «Кресты»-«мажесты»... *Мне кажется, на это только очарованная дальневосточно-сибирская душа способна*» [там же, с.288];

2) Наименование предметов:

«Машина тихо тронулась, сквозь коричневые стёкла дома гляделись сдержанней и будто лаковой.

– *А это наличники... Называется сибирское барокко.*

– Это ты придумал?

– Не помню, может, и я... *Эти завитки называются волоты. Они как глаза... Такие наличники в Томске и Иркутске есть.*

– Вообще-то *больше на стиль модерн похоже... Странные... Очень красивые... Я такие не видела.* (в диалоге с Машей во время путешествия на фестиваль в Шушенском) [там же, с.37-38];

<...>

⁸ URL: <https://www.amic.ru/news/207838/> (дата обращения: 25.04.21)

«Молодой парень-бондарь, показывая инструменты, сказал: *«Вот это уторник»*, и почему-то добавил: *“По-нашему, посибирски, зауторник”* [там же, с.68].

Г) в контекст «условной» inferнальности пространства Сибири:

«— Да всё, Жека. Правый руль прикончат. Женя промолчал. Саня с досадой махнул рукой:

— Да и чо руль! Они всё прикончат.

— Саш, всё не так просто прикончить... Земля, она тепло медленно отдаёт... очень медленно... Я это чувствую, и особенно сильно здесь, на краю. Почему я сюда и стремлюсь... Просто тут всё как-то обострено до предела... и мне это нужно... Оно питает...

Саня отрезал: — Отпитало.

— Да лан те.

— Да чо ладно-то? Ты совсем припрутел там, в Сибири?» [там же, с.291-292]

3) Слово Сибирь вплетается в контекст способов постижения пространства — по воздуху (на самолёте) и по земле (на машине и поезде):

«Самолёты олетали Сибирь по огромному прозрачно-дымному радиусу, отхватывая зараз по пять тысяч вёрст, а Женя ощупывал каждый острогранный осколыш, летел, сея из-под колёс лопающийся звук вылетающей щёбёнки. И ещё один бесконечный тысячевёрстный день начинался...» [там же, с. 378].

Ещё на машине: «До чего же пороги торосит всегда», — думал Женя, в который раз объятый чувством единой Сибири, узнаваемой сквозь тысячи вёрст по обобщающему навеки образу: зима, река в скалах, горы, штриховочка тайги» [там же, с.397]

На поезде во время первого перегона в жизни Жеки:

«Замирая, вбирал, впитывал Женя Восток Сибири. Удивительно раскатывалось и поселялось в сердце пространство, долгожданным раствором ложась на гудкую душевную арматуру и застывая пожизненно. И он и сам не ожидал, что в нём столько места» [там же, с.300];

И новый день наступал, усекая-опережая сон, и выпавшаяся жизнь глядела бодро и сдержанно, оттого что слистан ещё оковалок вёрст и неумолимо открывается новая глава Сибири...» [там же, с.313].

4) Связано с явлением «перегона», который объединяет пространства Сибири и Дальнего Востока:

«И тут совершенно стихийно возник Перегон, *объединивший огромный аршии от Новосибирска до Владивостока и охвативший шесть тысяч вёрст горной тайги, болотняков, марей и степей и давший народу утерянное чувство хозяина и сопричастника*. Десятки тысяч людей стали бороздить территорию, переобживать и пропускать через глаза и сердце. *И не только желание заработка или тяга получить автомобиль, а сами чары пространства завладели парнями, и очарованными странниками стала вдруг половина сибиряков*».

...

Дальневосточная часть населения спасалась от голодухи, везя машины и запчасти из Японии, сибирская – их перегоняла и открывала рынки

...

Зиночек и Валюх из кафешек и гостиниц *чувствовали через пол-Сибири, огни заезжек светили рулёжками, и заходили на них на посадку за тысячу вёрст. И сама трасса огромной рулёжкой судьб состроилась в один понятный мир с родными и грозными названиями*» [там же, с.352].

5) Является одной из черт в описании некоторых персонажей:

А) Ирина Викторовна: *«Как многие сибирячки и дальневосточницы, она разбиралась в машинах с трогательной региональной*

обстоятельностью». Здесь «сибирское» в характере «бабы-перегона» связывается с её умением разбираться в машинах [там же, с.371].

Б) Катя: «Казалось, *сама сибирская земля, прорастая сквозь Катино существо, выбрасывала острые и гибкие стебли её животворящего голоса, и они бились-стучались в сердце тальниковыми побегами, резали его узкими листьями осоки*» [там же, с.423]. В образе Кати доминируют природные черты;

В) Виктор из Кежмы: «Был он небольшой, худощавый, подсохлый, с носатым несимметричным лицом и *абсолютно неотличимый от любого сибирского жителя, такой же измочаленный жизнью, но неунывающий и шебутной*». Здесь подчеркивается типичность персонажа по отношению к «любому сибирскому жителю». «Сибирское» вписывается как в условно «инфернальный» контекст (*измочаленный жизнью*), так и в условно «райский» («*неунывающий и шебутной*») [там же, с.453]

б) включается в стихотворный нарратив лирического субъекта Жени (об этом – в следующем параграфе):

А) у лирического субъекта Жени:

Как в огромной выстывшей квартире,

Где по стенам солнечные швы,

Я живу в пустеющей Сибири

И люблю Марию из Москвы [там же, с.94-95];

Будет день. И погибнут беси

Осужденья. И встанет в круг

И споёт в едином замесе

Всё, что есть святого вокруг,

Всё, что светлого есть в этой шире,

Гор верхи и литые низа...

Нераздельное чувство Сибири

Льётся поровну в наши глаза. [там же, с.446-447] (*подразумевающийся адресат – Катя*)

С положительной семантикой образа Сибири связан образ реки Енисей, которая в тексте романа имеет одно из важнейших значений. Вплоть до того, что уподобляется антропоморфному собеседнику-исповеднику главного героя Жеки – Батюшки-Енисея. Слово и однокоренные с ним встречаются в романе 131 раз. Рассмотрим контекст:

1) Енисей, река, которая связывает физические пространства: «Они ели шашлыки в Арадане и ехали дальше, и даже Маша заметила, как на тувинской стороне Саян тайга подсушилась лиственничником, но вскоре и он остался лишь по северным склонам – «северáм», *и горы постепенно остепнились, спали, и снова замаячила лента Енисея и замрел в синеве Кызыл, столица Тувы*» [там же, с.66];

И машины замолкли, и городской шум отлёг, и заводы приспустили думы свои, *когда на мосту через Енисей пересеклись две дороги – с Востока на Запад и с Юга на Север*, и на их перекрестье остановился и замер человек, считавший, что всё знает о берегах [там же, с.246];

Потом думал об огромности этих мест и о том, что *Бирá – по-эвенкийски река, и вспоминал енисейские реки – бесконечные Биробчаны, Биракчаны, Бирамы и Бирами. Или брал слово «хариус», звучащее по-эвенкийски как «ниру» или «неругэ», и проводил родственность между якутскими Нерюнгрями и енисейскими Неручачами. И, вспоминая енисейскую гору Лочоко, что означает «седло оленя», жалел, что не нашёл нигде перевода посёлка Лондоко. И что *соседняя с Лочоко гора Хаканачи перекликается с речкой Магдагачи, впадающей в Амур... И что вряд ли бы эвенки жили так широко, если бы пространство от Енисея до Океана не было таким слаженным, единым, а главное – неделимым организмом*» [там же, с.357]- органицистская метафорика*

2) Енисей – река, которая не только объединяет пространства, но и связывает людей друг с другом по аналогии с родственными связями по крови:

Михалыч, самый старший из братьев, жил в далёком посёлке на берегу Енисея, а Женя – на подступах к Красноярску, в Енисейске, старинном городке, когда-то губернской столице, а теперь спокойном, затихающем, как ветер перед долгим и прощальным вёдром. Младший брат Андрюха, кинооператор, уехал в Москву и прижился там как родной, но свербёж Енисея в нём оказался столь сильным, что не прошло и пяти лет, как он приехал снимать фильм про Сибирь с братом Михалычем в главной роли [там же, с.21].

Род Барковцов связан с Енисеем: Своего прадеда Женя помнил уже совсем старым, усохшим. *Был он из тех дедов, что живут рекой до последнего вздоха. «С Енисея не слезат» – про него говорили... А он с грыжей, со страшной кистой на плече, продолжал оставаться таким же железным, как морозно шугующий Енисей,* и так же железно не ехал в город лечиться. *Казалось, именно грыжа не пускала, тянула, уходя под реку, в тайгу под кедрину, в корни, в сырой мерзлотный камень, в заиндевелые бездны, где всё перемешано так, что если сведёт что-то в земном чреве, то и в деде чугунной болью отдастся.* Такой вековой надсадой был он привязан к Енисею, и так страшно было везти его в город с его остекленелой пуповиной – пошевели – умрёт. – пример максимальной органической связи человека и реки, места жительства [там же, с.197-198];

Батюшка-Енисей выступает как ещё один брат Жени как «по крови» (а через него, как кажется, и остальных Барковцов), так и духовно (здесь контекст церковной исповеди):

«И спросил Батюшка-Енисей:

– А болит ли у тебя сердце, *брат мой?* И он ответил:

– Очень болит...

– За всех болит?

– За всех болит. – И за Машку?

– И за Машку болит. И за Настю, и за братьев, и за Нину... и... за тебя... за тебя... болит. Прости меня, Батюшка Енисей, это я во всём виноват... И тогда посветлел ещё Батюшка Енисей и сказал:

– Это ты прости меня, *брат мой*, а я на тебя и не сержусь несколько. Видишь, как бывает, чем дольше живёшь, тем больше знаешь и меньше понимаешь...» [там же, с.247];

В головах Саянские отроги,

Енисей вливается в висок,

Руки, как огромные дороги,

Пролегли на запад и восток – отрывок из стихотворения Жени, в котором репрезентируется тема «крови» [там же, с.95];

3) Связывается с эмоциональным и иным состоянием персонажей, их восприятием:

А) «Она лежала в его руках. И расступилась податливая глубина, и *как в смертные секунды навеки приблизились и легли рядом дорожным потоком, цветными жилами – синие ирисы, сталь Енисея и ковёр тумана, переползающий остров Кунашир с Тихоокеанской на Охотскую сторону*» - сопровождает интимную близость героя, сравниваемая с состоянием «умирания» [там же, с.63];

Б) «Отнималась и ныла каждой трещиной не только дорога до Енисейска, а болел весь Красноярский край с Таймыром и Эвенкией, с Хакасией и Тувой, Танзыбеем и родниковым Араданом, с Усть-Бирью и Манским Белогорьем. *С Енисеем в болезненной зыби, со всеми любимыми названиями, опетыми и оласканными её губами*. И это дикое одиночество было перенасыщено дождевой влагой, тоской шелестящей листвы, блеском мокрой улицы – всё казалось плотским, тяжёлым, настоящим» [там же, с.81] - связывается с болезненным состоянием героя после отъезда Маши в Москву;

«Потом он поставил свечку Богородице, помолился о Маше, *и на душе стало выпукло, как на Енисее в большую воду*. С этой водой в глазах он и вышел на свет, яркий и ненужно-слепящий» [там же, с.83] - Енисей становится предметом сравнения для описания душевного состояния героя;

«Пережитое по дороге в Енисейск после ссоры в суши-баре казалось детским лепетом, *потому что Маша была тогда рядом, в защитном поле Енисея* – Енисей для Жени означает защитное поле, в котором не может произойти чего-то негативного: от ссоры до глобальных катастроф» [там же, с.89-90] (не случайно тема затопления в финале романа связана с Ангарой). В этом смысле образ Енисея связывается с контекстом условно «райской» мифологемы Сибири;

«Я не пытаюсь лезть с советами или чему-то поучать. *У меня у самой сейчас столько вопросов, что хочется прийти на берег Енисея и спросить, как жить*» [там же, с.145-146] - из письма Насти к Жене; Енисей выступает как батюшка-исповедник.

И «пределом» состояния главного героя становится идентификация своей личности как Енисея при размышлении о Насте и Маше, разделенных не только географически, но и мировоззренчески:

«И *то зыбь, то туман шли по телу...* и то согревался он, то стыл... То *замирал зеркалом, то тяжело вскипал волной... и седел к осени, берясь тихим сальцем, а потом, отгрохотав угластыми полями, встревал в берега, замирал под снегами...* А потом, *вскрываясь, уходя от себя со льдом, возвращался дождями и, ошупывая родные берега, оживал в парком тумане и спрашивал: ну почему, почему же так трудно быть Енисеем?*» [там же, с.147] – При первом чтении, не видя последней строчки, не совсем понятно, что происходит с героем. И только последняя строчка позволяет воспринять все предыдущие предложения как разные состояния реки, причём в разные сезоны (лето, осень, зима, весна). Герой полностью уподобляется природному явлению – реке.

В этом смысле интересен пример восприятия Жени Настей: «И чем бы всё ни кончилось, *мы здесь тоже не лыком шиты и, если коснётся, отстоим нашего Женю и любого полуживого-иссохшего в Енисее вымочим-отмоем и выходим*» [там же, с.236-237]. – С точки зрения героини, Женя может буквально засохнуть в Москве, куда Енисей физически не протекает.

И т.д.

4) Является чертой описания персонажей (этот пункт отчасти связан с предыдущим):

«Виски у отца Севастьяна *были прозрачными, как енисейская вода, а глаза видели насквозь*» [там же, с.93] – отрывок из дневника Жени

Топос города – один из центральных в романе, как мы уже отметили выше. В контексте «мифологемы Сибири» можно условно обозначить сибирские города, а вместе с ними и Дальний Восток (г. Владивосток, остров Сахалин и др.) как «райские, богоугодные», а Москву назвать «адской». Но, как кажется, это было бы большим упрощением по отношению к тексту. Скорее можно говорить о доминировании положительной семантики сибирских и дальневосточных городов и, шире, пространств, чем об однозначном делении на «райское» и «адское».

Одной из особенностей главного героя, как нам кажется, является способность чувствовать и понимать пространства. Приведём примеры:

1) Сибирские города:

А) Красноярск: *«Красноярск Женя любил. Он вообще понимал такие города, для которых главная задача – поместиться со своими заводами и промзонами меж горами и водой и где эти горы никогда не ослабляют своего излучения и маячат дымно и отрешённо в просвете прямых улиц, где всё упрощено до символичности, и в трёх метрах от банка или администрации сурово и грубо сереет земная твердь, и улицы еле лезут в гору, из которой глядит то камень, то красная древняя глина. Где рядом с серого бетона коробками, живой памятью лепятся, косо утопая в*

грунте, пыльные сибирские домишки со ставнями и заборами, прокопчённые, засаленные и пропылённые» [там же, с.46];

«Ещё Жене нравилось, что *Данилыч бережно вынес Красноярск из списка городов временного постоя Столицы, несмотря на то, что он как нельзя лучше для этого подходил*» [там же, с.298] - перекликается со словами Тарковского о том, что Красноярск – то столица, а Москва – периферия (ссылка)

Б) Владивосток: *«По дороге Женя не уставал дивиться городу – центральным улицам, стройным и столичным, с любовью и достоинством отстроенным на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков. Этим странным домам модерн в оранжерейных завитушках, будто из средней полосы перемахнувших морозную и неподъёмную Сибирь. И прижившихся в здешних тепле и влаге, и растущих себе, как в Питере, не вымерзая»* [там же, с.288];

Г) Выдуманый Женей «Сибдальск» как объединяющий Красноярск (и другие сибирские города) и Владивосток (шире – Дальний Восток) общностью языка:

– А дальше, значит, *этот наш с тобой Сибдальск разрезали по перекрёсткам и раскидали со всеми теплотрассами, ТЭЦами и гостинками на столько вёрст... Со всеми Саньками и Женьками, Оксанками и Олеськами...* Нарубили, как черемшу, и только уже не камешками переложили, а целыми скальными развалами, курумными россыпями, залили воздухом этим то морозным, то знойно-хвойным, то степным... *и рассыпали чуть не до Урала... и вот когда парнишка красноярский с владовским по телефону базарит про шабашки для своего пилёного «инсуна», то тот его с полслова понимает, потому что они хоть и чёрт знает на каком языке говорят, но на одном... – Женя помолчал. – Чёрт знает на каком, но на своём, главное...»* [там же, с.280].

Женя отмечает как уникальность каждого города, так и свою способность «дома быть хоть где»:

...в каждом месте всё равно свои... что ли... допуски... В Омске – у пацанвы словечко есть: «приорали», ну в смысле погудели, покуролесили («вчера приорали так!»), а *на Сахалине* вообще всё шиворот-навыворот: автомат гидромурфтой называют, конструктор – разбором, а диски колёсные – титанами... *Но это всё мелочи... главное, что меня самого куда ни кинь, я увижу эти пятиэтажки, теплотрассы, шиномонтажки – и узнаю, потому что это всё моё. И это мне помогает дома быть хоть где...* [там же, с.280-281];

2) Москва:

А) негативная семантика:

«Женя зашёл в аэропорт. В дверях курил брат Андрей с косицей на затылке, *неоправданно постаревший, перемолотый Москвой до мучнистой бледности*» [там же, с.21];

«В ресторане подсел золотистый бугаина в шортах, с круглой бритой головой. На пузе маленький серебряный фотоаппарат.

– Салат из помидоров, два штуки. Солянка. Эскалоп. С картофаном. «Ярича» ноль семь. Бутылку «Хан-Куль». Пока всё. Водку сразу. И уже Маше:

– Девушка, а у вас говорок *западный*.

– *Я из Москвы*.

– *Все москвичи конченные свинни*» - запад приравнивается Москве; [там же, с.31-33]

– Я не люблю, когда меня проверяют. Я сама всех проверяю. Теперь с этим автоматом разобраться... или как ты его называешь...

– О-о-о!... – протянул Женя. – Всё понятно!

– Евгений, не грубите, пожалуйста!

– Я, Мария, *не грублю, я удивляюсь, на чём вы там ездите. В своей Москве...* Ну всё. На «дэшку» ставь, отпускай тормоз и не бойся, она сама поедет» [там же, с.55] (из разговора Жени с Машей о машинах и их типах);

«...Я раз гнал машину из Владивостока и где-то, не доезжая до Уссурийска... В общем, ночь, трасса, а впереди идёт старый рамный «краун», «кроун», как здесь говорят, задние фонари, длинные, парные лампочки в них, и вдруг от этих фонарей меня таким... чувством Родины обдало... что я чуть не заплакал. Такая она... странная... и лежит так понятно... *и я подумал, что это наша земля делает их такими... и что подальше положишь – поближе возьмёшь. И ещё, что у вас там ничего не знают о России. Вам кажется, что чем дальше от Москвы, тем жизнь слабее, и сначала действительно вроде как провал, а потом начинается совсем другое. И оно, может быть, и скудней, и голодней, но как-то святей, крепче... и вы так далеко от всего этого, не по расстоянию, конечно, а по духу, что если вдруг какой-нибудь остров сорвёт с якоря штормом и поднесёт к устью Невы, то там его не узнают.*

– Вот о чём фильм надо снимать.

– И как он будет называться?

– «Тойота-креста»...

– Маша задумалась, – ну, «Тойота-креста»... и... и?

– И другие...

– А другие – это кто?

– «Ниссан-дурачок-абсолют»... Другие – это мы» [там же, с.57-58];

«Ссылного немца пытаются выворотить с Ангары, а он упирается четырьмя костями. Какие-то утырки жгут среди бела дня русские избы. Думцы и министры без причины переименовывают милиционеров в полицаи, садятся в германские тачки и прут колонной кутить в Барвиху-Лакшери-Вилладж. *Кто-то везёт самосвалы из Москвы черпать и гнать за границу народные алмазы, и они наглухо затыкают трассу протяжённостью в треть планеты*» [там же, с.472-473] - политический контекст;

И т.д.

Б) положительные черты:

- «Но как ни несла его белая «креста», стелясь по дороге, его трёхдневный полёт по битому асфальту не был приближением, и главное приближение только начиналось – в несколько кругов, заходов над новой полосой жизни, небывалой и чудной... *И этот город, стальной, гранитный, стеклянный, теперь стоял послушно за Машиной спиной и уже не леденил, а прикивал вкрадчивым, ласковым, женским*» [там же, с.102]– Женя сближается с городом через любовь к Маше; отметим перкличку имён Москва-Маша и женское начало в них;

- «Ненадолго выпадал снег, *и ночью город гляделся другим – пустым и пригодным к разговору*. Будто дневной свет чересчур обнажал его, небо холодило и лишь теперь, смыкаясь туманной защитой, рыжим потолком, хранило от застуды. *Дома стояли как старая мебель. Снег светил с дорог и деревьев, стены обступали светло, и самим людям теплей и проще было в этом сомкнутом своде*» [там же, с.169];

- «Это был родной и старший брат того, их монастыря, и, выходя из храма, Женя долго стоял на припорошенной земле, и она говорила с ним на его языке. *И чем больше он здесь находился, тем яснее понимал, что место ему явлено, что в бетонном черепе города оно как родничок, через который идёт связь и с его монастырём, и со всей Россией. И стоит он к востоку, и тихим оконцем открывается в дымный и снежный простор до самого Океана*» - монастырь – это образ, связующий и объединяющий все пространства России «от Океана до Океана» [там же, с.199].

Подводя итоги параграфа, нужно сказать, что хронотоп в «Гойоте-Кресте» трансформируется в «топохрон». Категория пространства доминирует на всех уровнях поэтики произведения. Время представляется «опространственным», при этом требует отдельного рассмотрения.

Составляющие «СТ» не делятся резко на «райские» и «адские». В целом можно говорить о доминировании положительной семантики пространства Сибири и Дальнего Востока.

3.3.2. Система персонажей

В предыдущих параграфах мы писали о «СТ» и важности категории пространства в художественном мире автора и, в частности, в романе «Тойота-Креста». Рассматривая систему персонажей произведения, как кажется, тоже можно обратиться именно к категории пространства.

В упомянутой ранее монографии Н.А. Вальянова типология героев прозы М.Тарковского рассматривается с точки зрения концепции Ю.М. Лотмана о «подвижных» и «неподвижных» персонажах. У Юрия Михайловича несколько работ посвящены исследованию категории пространства в литературе, большинство из которых вошло в первый том «Избранных работ» автора. Мы обратили внимание на статью «О метаязыке типологических описаний культуры». В данной работе автор отмечает, что «в каком бы континууме ни действовали персонажи, их можно разделить на неподвижные, закрепленные за какой-либо ячейкой данного континуума (*не могут менять своего положения* – вставка и курсив наш), и подвижные. Первые не могут менять свое окружение, функции вторых именно в движении – из одного окружения в другое» [87, с.390-391].

Никита Александрович несколько расширяет подход Лотмана: «обозначенные типы героев мы рассматриваем в двух общих аспектах: в *пространственном* (курсив авторский) (как «движение по горизонтали», преодоление физической / географической границы) и в *нравственно-этическом* (курсив авторский) (движение, совершаемое по «вертикали», морально)» [54, с.140]. К «неподвижным» персонажам автор относит «патриархальный тип личности» там же. К «подвижным» исследователь относит героя-охотника, «автобиографического героя–интеллекта, пересекающего границу миров, отправляющегося из города в деревню/тайгу на постоянное поселение ... и «пограничные» типы героев» [там же, с.141]., к числу которых, автор относит Женю и Андрея из анализируемого нами романа.

Мы решили рассмотреть систему персонажей романа «Тойота-Креста» именно с точки зрения деления персонажей на подвижных, «условно подвижных» и неподвижных. Схему такого деления прилагаем в приложении 1. Основных, на наш взгляд, героев мы выделили жирным шрифтом. Проанализировать каждого мы в рамках данной работы не можем. В контексте исследования, можно сказать, что «неподвижные» герои скорее относятся к мифологеме Сибири как «райской», за исключением Ромыча, который относится к пространству Дальнего Востока.

Женя – самый «подвижный» герой романа (что можно увидеть по приложению 2.), и, безусловно, центральный. Несмотря на его центральность, герой не имеет явных характерных внешних признаков: «Сам он, наоборот, *лучше жил, когда забывал о существовании себя как предмета, имеющего очертания, и всегда удивлялся, когда ему их возвращали. И намного свободней существовал в виде глаз, и от этого казался себе невидимым и всемогущим*» [73, с.87]. Как мы отмечали выше (и отметим ещё ниже), он многогранен и неоднозначен настолько, что становится затруднительным идентифицировать его как человека: герой представляется как Енисей (см.выше), как машина и дорога (см.ниже). Его путь раздвоен выбором: быть воином или служить Богу. Как нам кажется, удачные наблюдения о герое делает Н.В. Ковтун в упомянутой выше работе: «Избранный герой произведения – шофёр Жека, скачущей на железном «коне» – белой Тойоте-Кресте. Образ подсвечен авторитетом Георгия Победоносца и Ермака, герой наделен мужской харизмой, волей, жаждой вывести свой народ к процветанию, вопреки неразумной политике центра, ориентированного на европейские ценности ...Евгений хорошо ориентируется в художественной литературе, бывает на конференциях, набожен, поёт на клиресе, часто обращается к друзьям с наставлениями и проповедями. При этом язык персонажа – смесь высокой лексики и специфического наречия шофёров, как его представляет автор, и по которому безошибочно узнают “своего”» [55, с.42]. Герой имеет несколько вариантов имени:

- 1) Евгений. Встречается в романе 30 раз. Впервые мы знакомимся с героем именно с этим вариантом: «На низком и абсолютно пустом перроне

стоял с пожизненным видом младший брат Евгений, а потом так же пожизненно тащил сумки по заледенелым ступеням на высокий виадук» [73, с.18]. Здесь выделяется слово «пожизненный». Евгений – это официальный вариант имени;

2) Женя. Встречается 620 раз (подсчёт только прямого наименования). Женя – «бытовое», будничное имя, предполагающее близкие отношения с тем, кто обращается к герою таким образом;

3) Жека. Встречается 38 раз. Именно так к герою обращаются его товарищи-перегонщики и, что более интересно, лирический субъект в первой главе третьей части, который тоже является тем самым товарищем. Этот товарищ Жеки, как нам кажется, почти прямо намекает на самого Тарковского (см. об этом ещё далее). В интервью Ленте.ру Михаил Александрович признаётся, что в его жизни тоже был опыт перегона, который смотивировал направить и Женю по тому же пути: «После того как у меня организовался перегон машины Владивосток — Красноярск, сам бог велел отправить Женю своим ходом по строящейся еще тогда федералке, “по щебенке, утопшей в снегу”»⁹. Здесь стоит отметить и другую особенность в упомянутой выше первой главе «Распилыша», которая называется именем главного героя – «Жека». Это единственная глава «Тойоты-Кресты», которая написана в другом роде литературы – лирике, а точнее, лироэпосе. До этого лирика была вплетена в повествование в дневнике Жени и в звонке Маше («Я стою на краю Океана»). Здесь – это отдельная глава, которая вызывает ассоциации с «Евгением Онегиным» А.С. Пушкина. Эта глава посвящена Е.М. Барковцу, как существующему во внелитературной реальности человеку (о «реальности» см. ещё ниже). Как кажется, здесь достигает предела тема «жизни и книги». В этих стихах лирический субъект находится в роле наблюдателя и как бы «отзеркаливает» стихи Жени. Лирика требует

⁹ URL: <https://lenta.ru/articles/2015/08/30/tarkovsky/> (дата обращения: 13.05.21)

отдельного исследования, здесь мы не можем позволить себе сделать это на должном уровне.

Это лишь краткие наблюдения о главном герое «Тойоты-Кресты». Отметим здесь то, что Женя – не только герой, но и второй нарратор. А нарративные особенности текста стоит отметить отдельно. Мы лишь наметим основные особенности, опираясь на фундаментальный труд В. Шмида «Нарратология» [28].

В «Тойоте-Кресте» две повествовательные инстанции – собственно всеведущий нарратор, но с «ограниченными» возможностями интроспекции сознания некоторых персонажей (об этом ниже), и главный герой, Евгений (Жека-Женя), который, таким образом, является диегетическим нарратором (и персонажем, и нарратором) – [там же, с.80]. Осложняется текст наличием другого рода литературы – лирики. Стихотворения, расположенные в тексте, так же имеют два лирических субъекта, которые, как нам кажется, совпадают с нарраторами. По крайней мере, об одном из них можно утверждать, что он относится к Жене, а второй, как мы указали выше, намекает на самого Тарковского. Мы позволим себе сказать о «близости» как всеведущего, так и диегетического нарратора как абстрактному, так и конкретному автору [там же, с. 41-53], которые, на наш взгляд, совпадают по многим факторам. Мы писали выше о связи литературы и жизни в авторском понимании. В упомянутом выше интервью Ленте.ру, как нам кажется, содержится важный и развернутый ответ на важный вопрос. Приведём эту часть интервью полностью: *«Читатель склонен ассоциировать автора с его героями. Много ли в главном герое «Тойоты-Кресты» Жене Барковце от Михаила Тарковского?»*

Очень много. Хотя сказать, что Женя является олицетворением автора, нельзя, потому что Женя Барковец вообще герой условный и сказочный. Нигде не дается его портрета, не совсем понятно, на что он существует и как именно проходят его рабочие дни. Мало рассказывается о его доме (только в третьей части), умалчивается о родственниках. Скорее, Женя это некая духовная емкость, дающая возможность вместить наиболее важные и

волнующие душу миры. Условностью своей он вообще ни на кого не похож, а мирами его наполняет (конечно же) автор, вкладывая в него пережитое.

Женя из тех героев, которые намного лучше тебя самого, он будто отражение самого святого, что тебе дано богом, или хотелось бы, чтоб было дано, что просишь. Женя — хранитель земли русской, он находится в вечном бессонном дозоре, озирая ее то с Курильских островов, то с серпантина в Култукке, то с моста «777». Ты настолько привыкаешь к его защите, что уже не можешь без него жить, потому в таких книгах и очень трудно поставить точку. «Будто нет конца у дороги и у книги не будет конца» - Здесь отметим, с одной стороны, одновременно и дистанцирование говорящего от самого себя как автора (в первой части ответа Тарковский не говорит «олицетворением меня», а именно «автора») и сближение (во второй части ответа - *Женя из тех героев, которые намного лучше тебя самого*; но в слове тебя намного больше обобщения, чем в слове меня). Отметим подробную и, как кажется, почти исчерпывающую авторскую интерпретацию главного героя, даже анализ его (на смежную со «сказочностью» тему богатырства в образах братьев Барковцов указывает Н.В. Ковтун в обозначенной выше работе). И, конечно, «незавершенность» книги. Об этом мы ещё напишем далее.

О близости конкретного автора и всеведущего нарратора (а через него – и диегетического) может свидетельствовать один короткий отрывок из романа, единственный на наш взгляд, где четко речь нарратора сливается с несобственно-прямой речью Жени в шестнадцатой главке первой части романа «Кедр». Выше мы уже приводили его (см.с.43) Там возникает обобщённое мы (личное во мн.ч.) и притяжательное «твоя». В публицистике Тарковского обобщённое мы используется часто, достаточно прочесть первое слово редактора в альманахе «Енисей» за 2014 г. №1 [44].

Теперь рассмотрим нарративные особенности начала и конца «Тойоты-Кресты».

Повествование начинается с мотива возвращения, который в разных вариациях и с разными персонажами представлен в романе и, что более важно, завершает повествование, связываясь в этом смысле с интертекстом о блудном сыне. Как известно, начало и финал произведения – «ударные» позиции текста.

Роман начинается так: *«Василий Михайлович Барковец возвращался домой на Енисей из отпуска. Скорый Москва – Тында № 76, где он экономно ехал в последнем и единственном плацкартном вагоне, вёз его из Новосибирска в Красноярск. Поезд то летел легко и молодо, то вдруг тяжелел, и тогда застарело и близко отдавался стук колёс, и Василию Михалычу казалось, что он едет рядом с огромным и усталым сердцем»* [73, с.14].

В данном отрывке мы отметим несколько важных, на наш взгляд, особенностей.

Во-первых, так или иначе, в типичной читательской рецепции, первый герой, с которым читатель встречается в тексте, автоматически воспринимается как главный. В данном случае читательские ожидания не оправдываются или, не совсем оправдываются дальнейшим ходом повествования, где основной фокус смешается на младшего брата представленного героя, Евгения Барковца. Причём смешается настолько, что Евгений становится второй нарративной инстанцией в тексте. Михалыч, как мы отметили выше, является «условно подвижным» персонажем. Пользуясь авторской метафорикой, он «укоренён» в месте своего жительства, которое в данном отрывке представлено достаточно широко («домой на Енисей»). Енисей - река, связующая разные пространства, является домом для персонажа. Подробнее мы писали об этом выше.

Во-вторых, уже отмеченный нами, мотив возвращения и связанный с ним мотив дороги. Движение и возвращение – две доминанты в тексте. С движением связан мотив дороги. Слово «дорога» и однокоренные с ним встречаются в тексте романа 252 раза, «движение» 25 раз. С ними связано и слово «пространство», встречающееся в тексте 29 раз. Нельзя сказать, что эти цифры *количественно*

репрезентативны, но *качественно* определено. Для демонстрации необходимы цитаты. Но прежде чем приводить примеры, необходимо отметить и третью особенность. Это «одушевленность», антропоморфность «дороги» и связанных с ней «атрибутов», как природных (реки), так и «искусственных» (транспортные средства передвижения (машины, поезда и т.п.)). В приведённом выше примере с точки зрения героя поезд представляется как существо с «огромным и усталым сердцем». А теперь приведём примеры, иллюстрирующие «качество» выше приведённых слов. И здесь, конечно, нужно конкретизировать в каком контексте это слово функционирует в тексте.

Позиция всеведущего нарратора чаще всего переплетается с позициями «подвижных» или «условно подвижных» героев, особенно Жени. Приведём ещё один пример интроспекции нарратора в сознание Михалыча:

«С ритмичным грохотом шёл из Владивостока товарный состав. Виадук вздрагивал, с ножевой остротой тянулись зеркальные рельсы, и Михалычу казалось, дорога прорезает его насквозь. Едва он так подумал, как пошевелились в нём огромные пространства земной плоти и шатнуло так, что он еле удержался за паранет» [там же, с.19]. Дорога оказывает специфическое воздействие на персонажей, их восприятие. Приведём ещё примеры:

«Река, которую они любили, постепенно сужалась. Ночь тоже сгустилась до почти южной густоты, и Машу поджало, придвинуло к Жене ещё на трудные сутки. Светясь вышкой, огнями, приближался Енисейск. Главные огни жизни тоже светились отчётливо и сжато: предельный неуют ночи, скупое оживление усталых людей. Дорога. Женщина. Дом» [там же, с.34] - дорога входит в «главные огни» жизни Жени;

«Отнималась и ныла каждой трещиной не только дорога до Енисейска, а болел весь Красноярский край с Таймыром и Эвенкией, с Хакасией и Тувой, Танзыбеем и родниковым Араданом, с Усть-Бирью и Манским Белогорьем» [там

же, с.81] - в данном контексте восприятие дороги связано с болезненным эмоциональным состоянием героя;

«Просыпаясь, Женя затерялся меж сном и жизнью в секундной беспилотной паузе, *и дорога тут же подхватила его, и он очнулся ещё слитый, сросшийся с ней в одной заботе, но когда дошло, что не надо никуда ехать, вздохнул и долго лежал, насыщаясь покоем*» [там же, с.102] - герой настолько привык к состоянию движения, нахождения в дороге, что автоматически готов продолжать её даже тогда, когда ехать никуда не нужно;

«Но *чутко и твёрдо вела его белая «креста» дальше и дальше по знакомой дороге мимо Машиной работы, мимо белого монастыря...* А вот и Кольцевая с цепочками фар, летящими фурами. И пустота – бездонная, бескрайняя, космическая. И он – *усохшая ботвинка, опустелое тело... и не верилось, что было другое время – время покоя и власти над жизнью, когда стоял в себе, как в гараже, большой и мощной машиной, всё понимающей о дороге*» [там же, с.210-211] - ещё одной составляющей идентификации Жени является машина, которая, как кажется, ассоциируется с искусственностью, но в контексте романа, машины порой оказываются «живее» людей.

Ещё один пример в этом контексте: Он шёл куда глаза глядят, и *непривычное чувство безлошадности только добавляло потери и тревоги. Без машины он был больше, чем без ног, и смысл этой ампутации только доходил, с каждым часом ширя поле и забирая новые дали – и родные дороги, и дом в Енисейске, который показался убогим и брошенным и лишь подчеркнул чувство вины и потери*» [там же, с.244];

«И *пошевелились-дрогнули за спиной его два крыла, две дороги, две боли, и от сырости-холода поползли мурашки по телу, а когда он склонился над Енисеем, уже другие мурашки прошли от пят по спине к голове, ознобив душу,* и, когда волна улеглась, стылый ветер уже не жёг, а лишь помогал держать эту

милость» [там же, с.246-247] - это пример связи дорожной и «речной» составляющей Жени;

«Подъезжали к Улан-Удэ. *Миха, лёжа на полке, объяснял Жене дорогу, каждый час которой был полон особого напряжённого существования, чугунно связанного с вползанием поезда на каменную плоть, в чёрно-белые сопчатые гряды. Миха разжёвывал дорогу, как ученику, и сам восхищаясь и недоумевая от огромности пути*» [там же, с.299] - Миха – один из попутчиков Жени во время его первого перегона машины. Для Михи, как и для Жени, дорога обладает значимой эмоциональной плотностью смыслов.

Позиция Жени как нарратора: «Не остановиться – сильно накопилось, наболело в душе, что не знаю, как и жить дальше. *И как всегда, хакасская степь предо мною, бел камень и две дороги – и какая моя из них, ратная или духовная, один Господь Бог ведает. Только вот в батюшки рано, не возьмут, потому что я пока не понимаю... одну штуку: почему я должен кому-то простить столько разоренья...*» [там же, с.476] - это часть «потока сознания» Жени в третьей части романа (глава «Гастелло»). Герой находится в состоянии «терзающего гипноза» после снов, которые «снились только дома, словно он невидимым кабелем подключался к родным стенам. Тогда они и догоняли, брали на лёжке, а в дороге теряли наведение, промахивались, отставали, и если и настигали, то ошалелые, временно утратившие резкость». Женя то ли наяву, то ли нет, разговаривает по телефону с Машей, затем сам с собой. Эта глава маркирована эпитафиями из «Записок сумасшедшего» Н.В. Гоголя и «На поле Куликовом» А. Блока и собственно названием «Гастелло», отсылающему, как мы предполагаем, к подвигу Н.Ф. Гастелло¹⁰. Вернёмся к контексту дороги. Персонаж Жени – во многом двойственный, вбирающий в себя разные составляющие: органицистские и условно «искусственные» (машина). Здесь его двойственность проявляется в выборе жизненного пути – быть воином или быть батюшкой, служить Богу.

¹⁰ См URL: <https://diletant.media/articles/29540963/> (дата обращения: 15.05.21)

Дорога, как и Енисей, и машины представляется антропоморфным, живым существом для Жени: *Дорога набегала, требуя какого-то лишь ей понятного и неподъёмного участия. И чего-то хотела от него, и это неясное нарастало по мере подъезда к точке засыпания и срывалось, и приходилось засыпать в несколько заходов»* [там же, с.218].

Выше мы отметили, что не каждый персонаж произведения раскрыт для читателя в плане «прозрачного сознания». Например, женские персонажи (Маша, Нина Егоровна, Ирина Викторовна, Катя) раскрываются через детали и диалоги, прямого проникновения в их сознание в тексте не наблюдается. Отчасти «выбивается» из этого ряда Настя, сознание, а точнее, мировоззрение которой передаётся через её письма к главному герою и его брату Михалычу.

Теперь рассмотрим финал как второе «ударное» место текста. Но этого впечатления «ударности» не происходит. Или почти не происходит.

Как мы отмечали выше, и начало, и «конец» произведения связаны мотивом возвращения и дороги, пространством Сибири, Енисеем. В финале все три брата встречаются на берегу Енисея. «Заканчивается» роман на почти одновременном разговоре Жени с братом Андреем и с Саней Николаевы из Владивостока, который мы приведём полностью:

«Уже шёл необыкновенный рассвет с рыжими и розовыми слоями неба, с тонко лучистым солнцем, розово осветившим монастырскую стену, Преображенский собор, куржак и снег на ветках, на кедровых кистях, на главах и крестах собора.

– Вот мы и с Машей тогда так стояли... – задумчиво сказал Женя.

– Хорошо, да?

– Да. Я не представляю, если бы... я там остался. Спасибо тебе, брат.

– Да это мне разве? Эт не мне-е... А мы щас, братан, знаешь, что сделаем? Мы щас цветъёв купим охапку и к Насте пойдём... Типа за письмами... Эээ, – вдруг

спохватился Женя, – а во Владивостоке уже утро давно! И на Танфилке! – Уже сто раз звонить пора! Та-а-к, Николаев... где ты у нас тут? Вот он-он ты. Во-от так вот... Ну-ка. Приём! О! С́аха, здорово! Как ты? Отлично! Слышишь, я стою сейчас... Саш, я... я стою... там, где... там, где кедр со сломанной вершиной... Я тебе рассказывал... У стены монастыря, где... наш с тобой кедр... Да! Тот самый! Представляешь? Саня, у меня праздник! У меня все три брата собрались. Вася, Андрюха и я. Спасибо, спасибо, брат! Как ты там? Как наш город... **Влад? Стоит? Ну хорошо. Пускай стоит, ждёт. Да, ждёт! Почему меня? Нас! Мы с братом приедем!** Да хрен с ними, с ценами. Купим ему какую-нибудь пузотёрку – лишь бы не плакал!» - [там же, с.507-508].

Финал есть только с формальной стороны, но, как кажется, не с содержательной. Мотив дороги вновь звучит «под конец» с яркой эмоциональностью. О «незавершенности» прямо говорится в тексте. В стихах (*Будто нет конца у дороги и у книги не будет конца*). Наконец, сам автор на это указывает (помимо процитированного выше): «А если ближе к жизни, то мечтаю в ближайшее время писать продолжение «Тойоты-Кресты», четвертую часть. Хотел даже и пятую. Примерное содержание — женитьба Евгения на Катерине, история стройки храма в Енисейске, в которой участвовал Женя. И съёмка фильма с братом Андреем. Фильм посвящен образу России к востоку от Енисея. Должна быть еще одна поездка на Дальний Восток¹¹».

Отсутствие «завершенности» не означает отсутствие «целостности», как в случае с «Братьями Карамазовыми» Ф.М. Достоевского. Упоминание нами «Братьев Карамазовых» не случайно. Мы попросили автора назвать книги, которые находились в поле его внимания во время создания «Тойоты-Кресты»: «Когда я писал эту книгу, у меня лежали «Братья Карамазовы» всё время под рукой: я почитаю Фёдора Михалыча (авторское произнесение), напишу «Тойоту-Кресту», почитаю Фёдора Михалыча, напишу «Тойоту-Кресту». В одной руке -

¹¹URL: <http://xn--90aefkbacm4aisie.xn--p1ai/content/nenapisannye-knigi-kontury-i-siluety> (дата обращения: 12.05.21)

Достоевский, в другой – перо. И, наверное, всё...Ну, ещё, конечно Василий Макарыч рядом стоял, но там это видно из повествования (вся эта история шукшинского фестиваля) и там даже описаны события, действительно происходившие ... Ещё есть там такой момент, что Есенин упоминается и я когда ехал по этой дороге (ну, там описано это всё, как будто это Женя), я слушал «Пугачёва» Есенина, и, в общем, это тоже имеет отношение к этой дороге, к третьей части, к «Распилю»». И, естественно, в главе «К сожжению готов», там, когда проезжаешь Иркутск, вспоминаешь Валентина Григорича Распутина «Прощание с Матёрой», и там рассуждения на ту тему; глава посвящена Валентину Григоричу».

Итак, Сибирь занимает важное место в жизни и творчестве М.А. Тарковского, но его нельзя назвать «областником» ни идеологически, ни как художника. Он выступает за «Россию от Океана до Океана». «Сибирский текст» отрывает широкие возможности для интерпретации прозы и поэзии автора. Как в малой, так и в «романной» прозе можно выделить обе составляющие мифологемы Сибири – «райскую» и «адскую», но нельзя сказать, что они определяются однозначно. В этом смысле необходимо учитывать точку зрения каждого персонажа, композицию произведения и многое другое. Роман «Тойота-Креста» не получил должного, на наш взгляд, внимания как в литературной критике, так и в литературоведении. Как мы убедились исследовательского внимания требует нарративная организация книги, вопрос о лирике в тексте, её соотношении с «основным» ходом повествования, в целом, поэтичность текста. Не бессмысленно и сопоставительное изучение «Тойоты-Кресты» с «Братьями Карамазовыми» Достоевского, с «Евгением Онегиным» Пушкина (его Тарковский не называл как «повлиявший» на «Тойоту»), с И.А. Буниным в плане поэтичности языка (Бунин – любимый писатель автора). Думаем, что это и последующие исследования послужат приобретению большего читательского внимания (как профессионального, так и «бытового»).

Заключение

Результатом нашего исследования стала систематизация современных подходов к пониманию «сибирского текста русской культуры», проблематизация состояния термина «сибирская литература», его соотношение с термином «СТ». На сегодняшний день можно говорить о том, что «СТ», если пользоваться теорией литературной эволюции Ю.Н. Тынянова, вывел на периферию термин «сибирская литература» за счёт большего исследовательского внимания. Мы скорее не разделяем понимание «СТ» как «аутентичной локальной словесности» и придерживаемся толкования его как корпуса текстов, объединённых семиотически (например, мифологемой Сибири, как в классическом исследовании В.И. Тюпы). В нашем исследовании «СТ» служит инструментом для интерпретации творчества М.А. Тарковского.

М.А. Тарковский – современный русский поэт и писатель. На сегодняшний день существуют разные точки зрения в определении литературного направления творчества автора: Н.Вальянов рассматривает тексты Тарковского только в контексте «неотрадиционализма», В.Бондаренко относит автора к одной из групп «нового реализма» традиционалистской направленности, Н.Ковтун так же относит творчество Михаила Александровича к «новому реализму», который наследует традиционализму. Сам автор причисляет себя к кругу писателей-традиционалистов. Проанализировав публицистику Тарковского и материалы интервью, можно утверждать, что традиция – пожалуй, главная идеологема его мировоззрения. Тарковский, таким образом, наследует традиции русской классической литературы, к которой он относит и наиболее близких в временном плане писателей-«деревенщиков». В этом смысле требует отдельного рассмотрения представление «дискурса о классике» в «долгие семидесятые» и современной «традиционалистской» литературной критике и прозе.

Сибирь занимает важное место в жизни и творчестве М.А. Тарковского, но его нельзя назвать «областником» ни идеологически, ни как художника. «Сибирский текст» открывает широкие возможности для интерпретации прозы и

поэзии автора. Как в малой, так и в «романной» прозе можно выделить обе составляющие мифологемы Сибири – «райскую» и «адскую», но нельзя сказать, что они определяются однозначно. В этом смысле необходимо учитывать точку зрения каждого персонажа, композицию произведения, своеобразие поэтики текста в целом.

«Сибирский текст» в романе «Тойота-Креста» задаёт своеобразие хронотопа, который трансформируется в топохрон по терминологии М. Эпштейна. Категория пространства доминирует не только на всех уровнях поэтики произведения, но и в целом составляет «единство видения» (по терминологии А.П. Чудакова) автора во всех аспектах его деятельности: публициста, кинодокументалиста и писателя. Время представляется «опространственным», при этом категория времени может стать предметом самостоятельного анализа.

По сравнению с малой прозой автора, где центральными топосами являются сибирские деревня и тайга, в романе это место занимает город. В контексте «мифологемы Сибири» можно условно обозначить сибирские города, а вместе с ними и Дальний Восток (г. Владивосток, остров Сахалин и др.) как «райские, богоугодные», а Москву назвать «адской». Но, как кажется, это было бы большим упрощением по отношению к тексту. Как мы убедились, скорее можно говорить о доминировании положительной семантики сибирских и дальневосточных городов и, шире, пространств, чем об однозначном делении на «райское» и «адское». Категория пространства задаёт и специфику рассмотрения системы персонажей. Вслед за Н.А. Вальяновым мы рассматриваем систему персонажей в контексте теории Ю.М. Лотмана о «подвижных» и «неподвижных» героях. В качестве иллюстрации мы предлагаем схему такого деления применительно к роману и добавляем в неё «условно подвижных персонажей» (см. приложение 1).

Женя – самый «подвижный» герой романа (что можно увидеть по приложению 2.), и, безусловно, центральный. Несмотря на его значимость, герой не имеет характерных внешних признаков. Он многогранен и неоднозначен, образ ассоциируется с Енисеем, Георгием Победоносцем, нерасторжимо связан с

пониманием дороги, простора. Здесь уместна авторская интерпретация Жени как «сказочного» героя. Его путь раздвоен выбором: быть воином или служить Богу. В тексте романа представлено три варианта имени героя:

- 1) официальная – Евгений, встречается в тексте романа 30 раз;
- 2) бытовая или интимная: Женя (в полной форме встречается 620 раз);
- 3) «товарищеская» - Жека. Встречается 38 раз. Именно так к герою обращаются его товарищи-перегонщики и, что более интересно, лирический субъект в первой главе третьей части произведения «Распилыш».

Роман «Тойота-Креста» не получил должного, на наш взгляд, внимания как в литературной критике, так и в литературоведении. Исследовательского внимания требует несколько разных аспектов произведения. Во-первых, нарративная организация книги. В «Тойоте-Кресте» две повествовательные инстанции – собственно всеведущий нарратор, но с «ограниченными» возможностями интроспекции в сознание некоторых персонажей, и главный герой, Евгений (Жека-Женя), который является диегетическим нарратором (и персонажем, и нарратором). Осложняется текст и включением лирики. Стихотворения, расположенные в тексте, так же имеют два лирических субъекта, которые совпадают с нарраторами. По крайней мере, об одном из них можно утверждать, что он относится к Жене, а второй намекает на самого Тарковского. Мы позволим себе сказать о «близости» как всеведущего, так и диегетического нарратора как абстрактному, так и конкретному автору, которые, на наш взгляд, совпадают по многим факторам. В данном утверждении мы опираемся на концепцию связи литературы и жизни в творчестве автора. Каждый из обозначенных пунктов требует исследовательского внимания.

Во-вторых, специального изучения требует сопоставление «Тойоты-Кресты» с «Братьями Карамазовыми» Ф.М. Достоевского как главной, по словам автора, книги, бывшей в круге его внимания во время создания произведения. По отношению к лирике считаем не безынтересным сравнение с «Евгением

Онегиным» А.С. Пушкина. И шире, с корпусом текстов классической литературы, которой Тарковский наследует.

Изучение как «сибирского текста русской культуры», так и творчества М.А. Тарковского (и в контексте «СТ», и без него) в школе, особенно, в школах Сибири, представляется очень важным. Рассмотрение «СТ» может быть организовано в рамках уроков литературы, например, при изучении комедии «Недоросль» Д.И. Фонвизина, романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», «На дне» М. Горького (8-11 классы).

Произведения М. Тарковского могут быть рассмотрены в рамках уроков внеклассного чтения (с 8 по 11 классы), так как не входят в основную программу по литературе. Интересна и научно-исследовательская деятельность обучающихся 9-х — 11-х классов как по изучению «СТ», так и произведений Тарковского. Привлечение школьников к научно-исследовательским типам работ представляется принципиальным, так как развивают метапредметные умения.

Список использованных источников

1. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. - 1984. - Вып. 664. - С. 4-30. - (Тр. по знаковым системам; [Т.] 18: Семиотика города и городской культуры: Петербург)
2. Шурупова О.Е. Московский текст русской литературы и его герои // Русская речь. 2011. №1. с. 97-102
3. Т.И. Ерохина Ярославский текст как семиотическая система // Ярославский педагогический вестник // 2014. №4. 264-268 с.
4. Абашев, В. В. Пермский текст в русской культуре и литературе XX века [Электронный ресурс] / В. В. Абашев. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/permskii-tekst-v-russkoi-kulture-iliterature-xx-veka> (дата обращения: 25.03.21)
5. Русская провинция: миф – текст – реальность / Сост. А.Ф. Белоусов и Т.В. Цивьян. М.; СПб., 2000. с. 492
6. Геопанорама русской культуры: Провинция и её локальные тексты / Отв. Ред. Л.О. Зайонц; Сост. В.В. Абашев, А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 672 с.
7. Алтайский текст в русской культуре: сб. науч. ст. / под ред. Т. В. Чернышовой, М. П. Гребневой, Е. Ю. Сафроновой, Ю. В. Трубниковой. — Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. — Вып. 7. — 304 с.
8. А.П.Люсий Крымский текст русской литературы: история и современность // Вестник МГЛУ – вып.11. 2016. с. 161-171.
9. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о "сибирском тексте" русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. №1. 27-35 с.
10. Сибирский текст в русской культуре: [сборник статей]. Вып. 1 / под ред. А. П. Казаркина, Н. В. Серебренникова; Том. гос. ун-т, Том. межрегиональный ин-т общественных наук. - Томск: Издательство Томского университета, 2002.
11. Сибирский текст в русской культуре: [сборник статей]. Вып. 2 / под ред. А. П. Казаркина, Н. В. Серебренникова; Том. гос. ун-т, Том. межрегиональный ин-т общественных наук. - Томск: Издательство Томского университета, 2007.
12. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография; отв.ред. К.В. Анисимов. – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2010. – 237 с.
13. Анциферов, Н. П. Душа Петербурга [Электронный ресурс] /Н. П. Анциферов. – Режим доступа: <http://fanread.ru/book/1709938/> (дата обращения: 28.03.21)
14. Анциферов, Н. П. Быль и миф Петербурга [Электронный ресурс] / Н. П. Анциферов – Режим доступа: <http://www.ngebooks.com/> (дата обращения: 28.03.21)

15. Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. - 1984. - Вып. 664. - С.139. - (Тр. по знаковым системам; [Т.] 18: Семиотика города и городской культуры: Петербург)
16. Топоров В.Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») / В.Н. Топоров // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. Избранное. – Москва: Издательская группа "Прогресс" - "Культура", 1995. – С. 193-258.
17. Меднис Н.Е. Сверхтексты русской литературы: учебное пособие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (дата обращения: 7.04.21)
18. Галимова, Е. Ш. К вопросу о методологии исследования локальных (городских и региональных) литературных сверхтекстов (на примере Северного текста русской литературы) / Е. Ш. Галимова // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX-XXI веков. – 2-е издание, стереотипное. – Москва: ФЛИНТА, 2016. – С. 365-380.
19. Геопоэтика В. М. Шукшина: коллективная монография / Т. А. Богумил, А. И. Куляпин, Е. А. Худенко; научный редактор А. И. Куляпин. - Барнаул: АлтГПУ, 2017. - 176 с.
20. Тюпа В.И. О сибирском гипертексте русской литературы // Сибирские чтения в РГГУ – вып.1. М.:2006. с. 40-53
21. Анисимов К.В. Парадигматика и синтагматика сибирского текста русской литературы // Сибирский текст в русской культуре: сб. статей. – Вып.2 / Под ред. А.П.Казаркина, Н.В. Серебренникова. – Томск: Из-во Том. ун-та, 2007.
22. Анисимов К.В. Путешествие: к вопросу о жанровой составляющей сибирского текста // Сибирский текст в русской культуре: сб. статей. – Вып.1 / Под ред. А.П.Казаркина. – Томск: Из-во Том. ун-та, 2003. – 20 -31 с.
23. Анисимов К.В. Сибирский текст в “Братьях Карамазовых” Ф.М. Достоевского // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография; отв.ред. К.В. Анисимов. – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2010. – 63 – 70 с..
24. Анисимов, К. В. Два века - две грани сибирского текста: областники vs. "деревенщики" / К. В. Анисимов, А. И. Разувалова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 1. – С. 75-101.
25. Анисимов, К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX - начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции / К. В. Анисимов; Томский государственный университет. – Томск, 2005. – 304 с.
26. Доманский В.А. Структурные уровни сибирского текста // Сибирский текст в русской культуре: сб. статей. – Вып.2 / Под ред. А.П.Казаркина, Н.В. Серебренникова. – Томск: Из-во Том. ун-та, 2007. – 50-59 с.

27. Янушкевич А.С. Дихотомия сибирского текста / А. С. Янушкевич // Евроазиатский межкультурный диалог: "свое" и "чужое" в национальном самосознании культуры. Томск, 2007. С. 334-345.
28. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
29. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / Гл. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. В 3-х т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bsk.nios.ru/enciklodediya/literatura-sibiri>
30. Очерки русской литературы Сибири: в 2 т. Новосибирск: Наука, 1982. Т. 1. 608 с.
31. Серебренников Н. В. Опыт формирования областнической литературы / Н. В. Серебренников; под ред. А. П. Казаркина; МИОН [и др.]. - Томск: Издательство Томского университета, 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000195731>
32. Чмыхало Б.А. Молодая Сибирь: регионализм в истории русской литературы: [учебное пособие для студентов-филологов, преподавателей вузов и школ] / Б. А. Чмыхало. - Красноярск: КГПУ, 1992. – 199 с.
33. Тынянов Ю.Н. О литературной эволюции// Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 270-281.
34. Басинский Павел. Третий Тарковский. Электронный ресурс – Режим доступа: <https://rg.ru/2016/07/24/pavel-basinskij-sudba-mihaila-tarkovskogo-uzhe-sostoialas.html> (дата обращения: 11.04.21)
35. Авченко Василий. Большая страна Михаила Тарковского. Электронный ресурс – Режим доступа: <https://novayagazeta-vlad.ru/326/kultura/kod-kresty.html> (дата обращения: 11.04.21)
36. Владимир Кузнецов. М. Тарковский интервью 1998 г. // YouTube (<https://www.youtube.com/watch?v=5fKXSJs7FE0&t=121s>). Просмотрено: 10.03.21.
37. Тарковский М.А. Избранное. – Новосибирск: Издательский Дом «Историческое наследие Сибири», 2014. – 496 с.
38. Тарковский Михаил. Жизнь и книга // Октябрь, номер 9, 2002 Электронный ресурс – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/october/2002/9/zhizn-i-kniga.html> (дата обращения: 11.03.21)
39. Вальянов Н.А. Творчество Тарковского в свете современной литературно-научной критики [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://scienceproblems.ru/tvorchestvo-tarkovskogo/3.html> (дата обращения: 3.04.21)
40. На третьем континенте, или Предчувствие нового Ермака [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/din/2015/3/na-tretem-kontinente-ili-predchuvstvie-novogo-ermaka.html> (дата обращения: 25.03.21)

41. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999 Электронный ресурс – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 12.04.21)
42. Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935-1940) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 12.04.21)
43. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 12.04.21)
44. Енисей. 2014 №1.: Красноярский краеведческий и литературно-художественный альманах / глав.редактор М.Тарковский. – Красноярск: «Класс Плюс», 2014. – с.199
45. Енисей. 2016 №1. : Красноярский краеведческий и литературно-художественный альманах / глав.редактор М.Тарковский. – Красноярск: «Класс Плюс», 2016. – с.199
46. Енисей. 2017 №2.: Красноярский краеведческий и литературно-художественный альманах / глав.редактор М.Тарковский. – Красноярск: «Класс Плюс», 2017. – с.207
47. Енисей. 2018 №1.: Красноярский краеведческий и литературно-художественный альманах / глав.редактор М.Тарковский. – Красноярск: «Класс Плюс», 2018. – с.217
48. Арутюнов Сергей. Стоять по горло в России... [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://xn--90aefkbaqm4aisie.xn--p1ai/content/stoyat-po-gorlo-v-rossii> (дата обращения: 11.04.21)
49. Татаренко Юрий. Михаил Тарковский. Время излома. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://litrossia.ru/item/10515-mikhail-tarkovskij-vremya-izloma-intervyu/> (дата обращения: 11.04.21)
50. Шипов Ярослав. О писателе. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.livelib.ru/author/165019-yaroslav-shipov> (дата обращения: 11.04.21)
51. Тарковский Михаил. О писательском ремесле // Красноярский краеведческий и литературно-художественный альманах Енисей / глав.редактор М.Тарковский. – Красноярск: «Класс Плюс», 2016 №1. – с.199
52. Тарковский Михаил. О писательском ремесле // Красноярский краеведческий и литературно-художественный альманах Енисей / глав.редактор М.Тарковский. – Красноярск: «Класс Плюс», 2016 №2. – с.199

53. Разуvalова А.И. Писатели-“деревенщики”: литература и консервативная идеология 1970-х годов / Анна Разуvalова. - Москва: Новое литературное обозрение, 2015. - 612 с.
54. Вальянов Н.А. Поэтика М. А. Тарковского: проблема хронотопа и образ героя: монография / Н. А. Вальянов. - Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2019. – 224 с.
55. Ковтун Н. Малая проза М. Тарковского в контексте «нового реализма» // Гуманитарный вектор, 2019. Т. 14 (№ 5). С. 39-50.
56. Прилепин Захар. Новейшая история. Новый реализм Электронный ресурс – Режим доступа: <https://www.sobaka.ru/krsk/oldmagazine/glavnoe/11567> (дата обращения: 15.04.21)
57. Десятка: антология современной русской прозы / сост., предисл. Захар Прилепин. - Москва: Ad Marginem, 2011. - 429 с.
58. Серова А.А. Новый реализм как художественное течение в русской литературе XXI века: Дис. ...канд. филол. наук: 10.01.01 / Серова Анастасия Алексеевна [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/novyi-realizm-kak-khudozhestvennoe-techenie-v-russkoi-literature-xxi-veka> (дата обращения: 12.05.21)
59. Бондаренко В. Новый реализм // Завтра. 2003. №34 (509) [Электронный ресурс] —Режим доступа: <http://zavtra.ru/content/view/2003-08-2071/> (дата обращения 12.05.2021).
60. Лобзина Ольга. Михаил Тарковский: «Классика не артефакт, а про нашу жизнь...» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://krsk.aif.ru/society/mihail_tarkovskiy_klassika_ne_artefakt_a_pro_nashu_zhizn (дата обращения: 12.05.21)
61. Михаил Тарковский (2020). Запись ВКонтактене: 9 февраля (https://vk.com/wall-13858309_2948?hash=da80b8e55d480759aa). Просмотрено: 13.05.21
62. Михаил Тарковский (2020). Запись ВКонтактене: 10 февраля (https://vk.com/wall-13858309_2957?hash=e10f207a176e9cf140). Просмотрено: 13.05.21
63. Михаил Тарковский (2020). Запись ВКонтактене: 11 февраля (https://vk.com/wall-13858309_2964?hash=03b55a8a5b02e94818). Просмотрено: 13.05.21
64. Продюсерский центр АСП (2019) Интервью с номинантом Патриаршей литературной премии Михаилом Тарковским //YouTube (<https://www.youtube.com/watch?v=1q8BLxptVos>). Просмотрено: 15.03.21
65. Библиотека-музей В.П.Астафьева (2021) Встреча с писателем Михаилом Тарковским в Астафьевской библиотеке // YouTube (<https://www.youtube.com/watch?v=bLfw0nunZw>). Просмотрено: 27.05.21

66. Тарковский М. А. Енисей, отпусти!: [книга прозы] . – Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. – 351 с.
67. Тарковский М. А. Замороженное время: [книга прозы]. – Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. – 415 с
68. Чудаков А.П. Единство видения: письма Чехова и его проза // Динамическая поэтика: от замысла к воплощению. М.: Наука, 1990. с. 220–244.
69. Тарковский Михаил. Тойота-Креста. // Октябрь, номер 8, 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/october/2007/8/toyota-kresta.html> (дата обращения: 12.04.21)
70. Тарковский Михаил. Тойота-Креста. // Октябрь, номер 5, 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/october/2009/5/toyota-kresta-2.html> (дата обращения: 12.04.21)
71. Тарковский Михаил. Тойота-Креста. // День и ночь, номер 4 и 5, 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/din/2014/4/raspilysh.html> и <https://magazines.gorky.media/din/2014/5/raspilysh-2.html> (дата обращения: 12.04.21)
72. Тарковский М.А. Тойота-креста: [книга прозы] / Михаил Тарковский. - Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. - 383 с.
73. Тарковский М.А. Тойота-Креста / Михаил Тарковский. - Москва: Э, 2016. - 412 с.
74. Рудалёв Андрей. Михаил Тарковский "Тойота-Креста" // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.natsbest.ru/award/2016/review/mihail-tarkovskij-toyota-kresta-2/> (дата обращения: 1.04.21)
75. Русская традиционалистская проза XX - XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты: учебное пособие / Н. В. Ковтун. - Москва: Флинта: Наука, 2017. - 595 с.
76. Пермяков Андрей. Михаил Тарковский "Тойота-креста" // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.natsbest.ru/award/2016/review/mihail-tarkovskij-toyota-kresta-1/> (дата обращения: 1.04.21)
77. Беляцкая Любовь. Михаил Тарковский "Тойота-Креста" // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.natsbest.ru/award/2016/review/mihail-tarkovskij-toyota-kresta/> (дата обращения: 1.04.21)
78. Ясная поляна. Книга премии: Михаил Тарковский "Тойота-Креста" // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://yppremia.ru/books/toyota-kresta> (дата обращения: 1.04.21)
79. Художественная литература и критика //Континент, номер 134, 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://magazines.gorky.media/continent/2007/134/hudozhestvennaya-literatura-i-kritika-16.html> (дата обращения: 3.04.21)

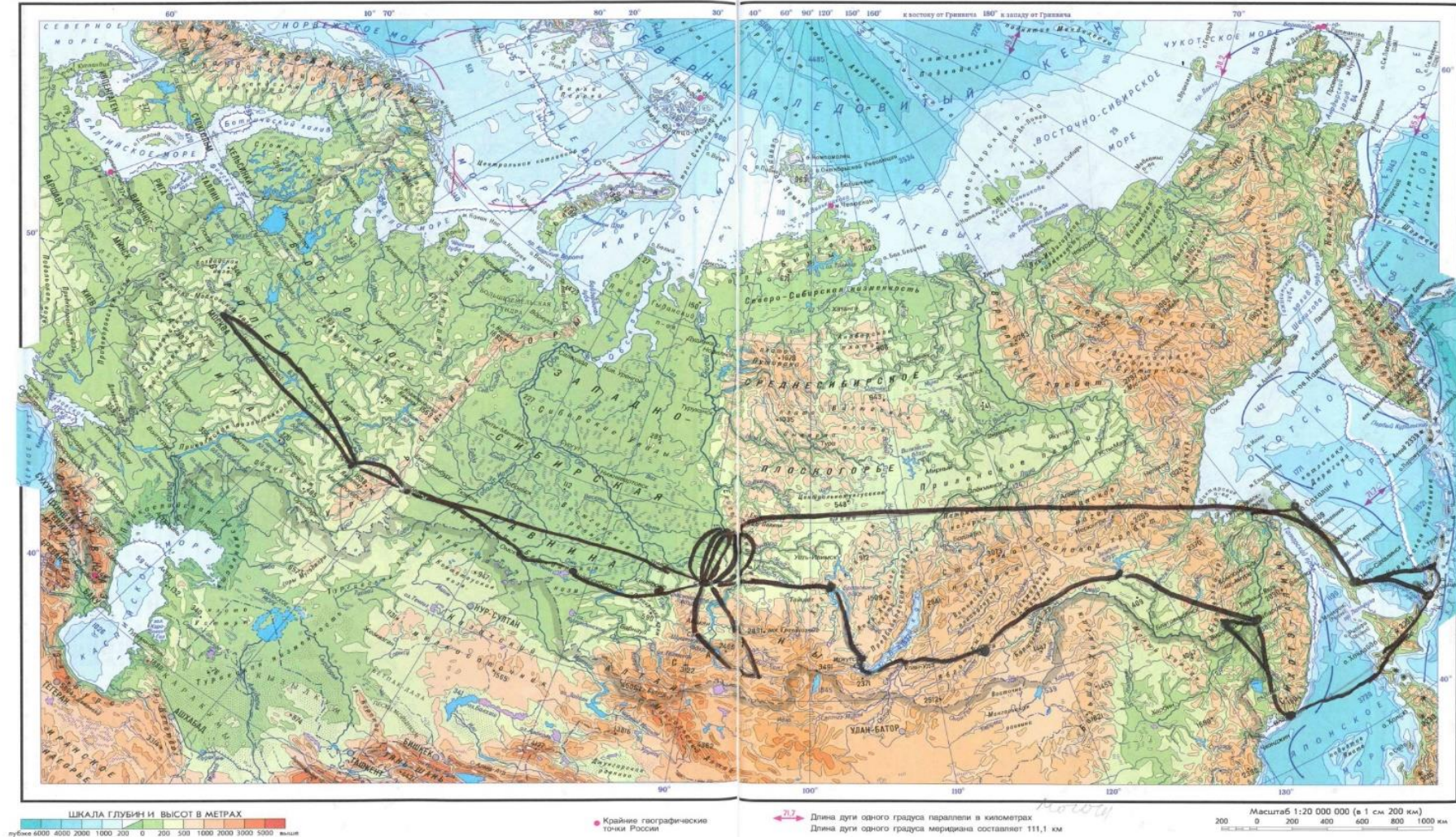
80. Художественная литература и критика //Континент, номер 141, 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/continent/2009/141/hudozhestvennaya-literatura-6.html> (дата обращения: 3.04.21)
81. Кузьменков Александр. Право руля, или Сибириада-2016: Михаил Тарковский. Тойота-Креста // Урал, номер 6, 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/ural/2016/6/pravo-rulya-ili-sibiriada-2016.html> (дата обращения: 5.04.21)
82. Сенчин Роман. Книга жизни Михаила Тарковского // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rara-rara.ru/menu-texts/kniga_zhizni_mihaila_tarkovskogo (дата обращения: 5.04.21)
83. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Худож. лит., 1975. — С.234-407.
84. Тарковский Михаил. Гостиница Океан // Новый Мир, номер 5, 2001 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2001/5/gostinicza-ocean.html (дата обращения: 6.04.21)
85. Силантьев И. В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
86. Поэтика: слов, актуал. терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. — М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. — 358 с.
87. Лотман Ю.М. О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3-х т. Таллин, 1992. - Т.1. - С. 386 - 392.

Приложение А. Система персонажей

Приложение Б. Карта передвижений
главного героя романа «Тойота-
Креста»

14 ФИЗИЧЕСКАЯ КАРТА

Приложение В. Конспект урока внеклассного чтения - Встреча с автором: обсуждение повести «Енисей, отпусти!», беседа с Тарковским)

Цель урока внеклассного чтения: расширить читательский кругозор обучающихся

Задачи:

- 1) познакомить обучающихся с М.А. Тарковским – самопрезентация автора и рассказ учителя о знакомстве с ним и его творчеством;
- 2) проанализировать и обсудить повесть «Енисей, отпусти!»

Сведения об авторе: М.А. Тарковский – писатель, проживающий в Сибири, на данный момент в городе Красноярск. Михаил Александрович сотрудничает со школами края и, на наш взгляд, его можно попробовать пригласить на один из уроков литературы. Насколько нам известно, произведения писателя пока не входят в школьные программы, поэтому для знакомства с творчеством Тарковского можно организовать урок внеклассного чтения.

Урок в системе уроков литературы: данный урок внеклассного чтения может быть проведён после изучения комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» в 8-ом классе, «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского в 10-ом классе, «На дне» Горького в 11-ом классе. Все эти произведения объединены «сибирским текстом русской литературы».

Ход урока:

Этап и цель	Содержание этапа, приёмы учителя	Виды деятельности учащихся	время
Вступительный этап	1) Слово учителя: Сегодня у нас необычный урок, урок внеклассного чтения. К нам в гости пришел живой писатель – М.А. Тарковский. Вы дома читали его повесть «Енисей, отпусти!» и сегодня мы проанализируем и обсудим её, услышим	Слушают и задают вопросы	10 мин

	<p>авторскую точку зрения. Сопоставим читательскую рецепцию и то, что в ЕГЭ называют позицией автора.</p> <p>2) представление автора</p>		
<p>Этап художественного восприятия + мини-этап анализа</p>	<p>1) работа с названием повести</p> <p>Вопросы:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Какую форму имеет название, из каких частей состоит? (форма обращения, есть адресат, к которому обращаются – Енисей и содержание обращения к нему – просьба отпустить); - Что такое Енисей? – работа с понятием; - Что означает глаг. «опустить»? – работа со словарями - Хочет ли герой, чтобы Енисей его отпустил в прямом смысле? 	отвечают	25 мин
	<p>2) проблемные вопросы:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Почему Прокопич уезжает в город? 	Пробуют ответить на вопросы	

	<ul style="list-style-type: none"> •Что для героя означает тайга? •Что для героя означает охота? •Что для героя означает река Енисей? •В чём заключается причина разлада героя с женщинами? •Как человек может найти смысл жизни? 		
Заключительный этап	Михаил Александрович делится своей точкой зрения на повесть, задаёт свои вопросы. Ученики задают свои вопросы.	Слушают, задают вопросы	
			7-10 мин

Комментарий: Название «Енисей, отпусти!» с одной стороны, указывает на знаковый элемент сибирского пространства, одну из его главных рек, реку Енисей. С другой стороны, название имеет форму обращения, причём обращение к не антропоморфному адресату, а к реке, что, конечно, значимо. Читатель уже на уровне названия может понять, что Енисей в данном случае, не просто река, а какой-то собеседник, полноправный участник событий, некий не антропоморфный персонаж-образ (подробнее об этом далее). Вторая часть обращения, просьба «отпусти!» указывает на какие-то взаимоотношения между персонажем и Енисеем. И в данном случае, читатель может проецировать самые разные смыслы. Посмотрим на значение слова отпустить в словаре Евгеньевой [14]:

1. Позволить уйти, удалиться откуда-л. или отправиться куда-л.
2. Перестать держать, сжимать, выпустить из рук.
3. Сделать менее натянутым, ослабить.

4. также без доп. Разг. Уменьшиться по силе проявления, стать более слабым (о боли, болезненном ощущении).
5. Отрастить (волосы, ногти и т. п.).
6. Выдать, предоставить в пользование, распоряжение кого-л.
7. Разг. Сказать что-л. остроумное, неожиданное или не вполне уместное.
8. Устар. Простить (грех, вину и т. п.).
9. Спец. Сделать острым; отточить.
10. Тех. Подвергнуть отпуску (в 3 знач.).

Предполагаем, что первое значение возникнет в читательском сознании сразу, но по мере чтения повести оно будет меняться, возможно начнёт казаться противоречивым, так как главный герой стремиться к тому, чтобы Енисей и тайга его приняли, а не наоборот, отпустили. Наверное, в каком-то смысле, каждое из значений (может быть, кроме 5, 7) присутствует в произведении, но наиболее подходящим, на наш взгляд, представляется значение «простить (грех, вину)». Как мы видим, образ Сибири представляется смыслообразующим уже на уровне названия и ориентирует читателей на содержание произведения;

Произведения Тарковского будут особенно интересны и актуальны для жителей Сибири и Красноярского края, но и не только для них. Михаил Александрович – писатель, который верен традициям русской классической литературы. Ещё одна из тем для обсуждения – это образ Сибири, её мифологема. Эта тема может быть логически связана с текущими уроками литературы. Как мы предложили выше: в 8-ом классе после изучения комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль», «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского в 10-ом классе, «На дне» Горького в 11-ом классе.